

Вперед и выше!

С живым интересом и большим вниманием следит советский народ за ходом Второго всесоюзного съезда писателей. Да это и вполне закономерно в Советской стране, где литература стала по-настоящему общенародным делом. Такой заинтересованности общества не знала история, о ней могли лишь мечтать передовые художники прошлого.

Глеб Успенский писал в 1887 году, когда его избрали почетным членом «Общества любителей российской словесности»: «...принеси почтенному Обществу еще раз личную мою благодарность, глубокую и искреннюю, не могу, с своей стороны, ничем иным приветствовать его, как только радостным указанием на эти массы нового, грядущего читателя, нового, свежего «любителя словесности».

В стране социализма, в стране сплошной грамотности и величайшей духовной культуры весь народ — и стар и млад — крепко дружит с книгой, любит и ценит художественную литературу. В приветствии Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза Второму всесоюзному съезду советских писателей указывается, что у советских писателей есть миллионы читателей-друзей, о которых могли только мечтать лучшие писатели прошлого, читатели высказательных, сознательных и зрелых.

Эта всенародная любовь, это пристальное внимание миллионов накладывает особую, повышенную ответственность на представителей нашей могучей многонациональной литературы — делегатов съезда, заседающих в эти дни в Колонном зале Дома союзов. Товарищеское обсуждение кардинальных творческих проблем, смелое разрывание принципиальной критики и самокритики, еще большее идейное сплочение всех писательских сил — вот залог новых достижений нашей литературы, ее дальнейшего движения к новым высотам.

Богата событиями жизнь советского человека, изумительно ярок и насыщен его духовный мир. Коммунистическая партия, советский общественный и государственный строй воспитали нового человека — строителя и борца. Никогда еще и нигде не расцветала так личность, не было еще такой высокой нравственности и морали, как в нашем обществе, совершающем переход от социализма к коммунизму. И никакое общество никогда, конечно, не открывало людям таких колоссальных возможностей идейного совершенствования, таких ясных просторов! Мы дышим чистым, живительным воздухом социализма, и литература — духовное оружие народа — помогает нам жить и строить, расти и совершенствоваться.

Хорошая, талантливая, умная и честная книга зовет за собой на труд и на подвиг, покорила красотой своих образов и величием своих идей, очистила душу. Вот дочитала последняя страница, а еще долго долго размышляешь о прочитанном, ощущаешь силу и аромат книги, хочешь следовать за полубогатырским героем, вместе с автором любить и ненавидеть...

Такая книга учит жить. И больше таких книг хочет получить наш многонациональный читатель.

Советская многонациональная литература богата крупными художественными дарованиями, богата жанрами и яркими индивидуальностями. Многие произведения завоевали горячую любовь и признательность читателей. Это те книги, в которых правдиво отражена жизнь в ее революционном развитии, в борьбе и столкновении. Это те романы и повести, драмы и поэмы, рассказы и киносценарии, очерки и стихи, которые вдохновляли высокими идеями служения интересам народа, передовыми идеями нашего времени.

Нет нужды перечислять лучшие, ставшие классическими, произведения советской литературы, — названия этих произведений часто звучат в докладах и в прениях с трибуны писательского съезда, они переведены на многие языки, на них всегда, в любой библиотеке, велик читательский спрос. Выдающиеся книги советских писателей правдивы и художественны, пламенны по своей направленности, по-боевому нацелены. Это — книги-бойцы.

Роль пассивного регистратора событий всегда была глубоко чужда советской литературе. С позиций коммунистической идеологии она вторгается в жизнь, мо-

битизует читателя на великие свершения.

В приветствии ЦК КПСС Второму всесоюзному съезду писателей подчеркивается, что в современных условиях неизмеримо возрастает общественно-образовательная и воспитательно-активная роль советской художественной литературы. Наша литература призвана не только отражать новое, но и всемерно помогать его победе.

Партия, ведя наш народ к коммунизму, стремится к изобилию духовной культуры в стране — и поэтому заботится об усилении воспитательно-активной роли литературы. Наши писатели призваны воспитывать советских людей в духе идей коммунизма и коммунистической морали, способствовать восторженному и гармоническому развитию личности, полному расцвету всех творческих задатков и способностей трудящихся. Воспитывая лучшие чувства, навыки и привычки, пропагандируя любовь к труду и уверенность в победе нашего дела, советская литература не может стоять в стороне от борьбы против реакционных сил старого мира. Растить пламенных советских патриотов и готовить народ к сокрушительному отпору империалистическим агрессорам, если они посягнут на наш мирный труд, укреплять дружбу между народами и еще выше поднимать знамя борьбы за сплочение всех миролюбивых сил земного шара — вот благородная задача писателей.

Активно поддерживая все новое, передовое, борясь за него всей силой своего таланта и умения, писатель должен сильно и страстно бичевать пережитки старого, помогать вытравлять из нашей жизни все антиобщественное и обветшалое, способствовать движению нашего общества вперед. Но для того, чтобы быть в своем творчестве активным борцом за коммунизм и передовым членом общества, чтобы не отстать от бурно развивающейся жизни, чтобы по-боевому вторгаться в нее, писатель должен многое знать, видеть, изучать и осмысливать.

ЦК КПСС призывает литераторов к глубокому изучению действительности на основе творческого овладения марксизмом-ленинизмом, позволяющим видеть во всей сложности и полноте подлинную правду жизни, понимать процессы развития, которые происходят в нашей стране и которыми руководит Коммунистическая партия, понимать закономерности и перспективы роста нашего общества, вскрывать жизненные противоречия и конфликты.

Советская действительность — вот неиссякаемый, живой и чистый источник творческого вдохновения наших писателей. В гуще жизни, в тысячах судеб рабочих и колхозников, учителей и механиков, инженеров и партийных работников, в их трудовых и семейных, общественных и личных взаимоотношениях и взаимосвязях должны черпать художники сюжеты и конфликты, изучая их, создавать силой реалистического искусства замечательные образы наших современников. Каждый день нашей жизни, каждый уголок нашей страны, каждый самый маленький коллектив советских людей дает писателю неисчерпаемую пищу для раздумий и творчества, для изучения и воплощения в художественные образы.

Всемерно помогать победе нового! А новое там, где поднимают целинные земли и строят дома, в шумном цехе и в тихой лаборатории ученого, на колхозных полях и в школьном коридоре, в семье новоселов казахстанского совхоза, в трудных поисках новатора производства и в блестящем подвиге полярников. Новое — повсюду.

Уметь наблюдать и анализировать, накапливать факты и обобщать явления — вот задача. Глубже изучать жизнь, не наскоком, не «галопом», а вдумчиво и повседневно — вот ключ к достижению успеха. Видеть и знать! Так достигается и художественная ясность вещи, и поэтическое раскрытие образов, и сила воздействия на читателя.

Больше двадцати лет назад Горький писал: «Литература Союза Советов растет хорошо, но действительность величественна и прекрасна. Необходимо, чтоб литература достигла высот действительности. Вот в чем дело».

За эти годы неизмеримо выросла советская литература, но и действительность наша стала еще более величественной и прекрасной, и задачи, которые стоят сейчас перед нашей страной, стали еще более грандиозными. И с особенной силой звучат горьковские слова, обращенные к писателям на их Первом съезде: — Вперед и выше!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 151 (3335)

Суббота, 18 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

ВТОРОЙ ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера в Колонном зале Дома союзов

Вечернее заседание съезда 16 декабря, проходившее под председательством К. Крапивы, закончилось содокладом К. Симонюка. На вчерашнем утреннем заседании началось обсуждение доклада А. Суркова и содоклада В. Полевая, С. Вургуна и К. Симонюка. Первое слово предоставляющий Г. Мустафин предоставил В. Ляцис.

С тех пор, как Латвия вошла в состав Советского Союза, стала расти и крепнуть ее литература, говорит оратор. Если до 1940 года обычный тираж для романа в Латвии был всего две тысячи экземпляров, если напечатанные произведения вылезали по полкам книжных магазинов, то ныне книги, изданные 40-тысячным тиражом, расходятся за одну-две недели.

В Ляцис вспоминает рыбака Кляву из своего романа «Поселок у моря», который некогда мечтал, как о чем-то несбыточном — о ловле рыбы в Атлантике. А осенью прошлого года латвийские моряки уже ходили на своих судах в дальние моря, выдвигались одиннадцатидесятидневный штурм и привозили богатый улов океанской сельди.

— Молодым писателям я хочу сказать: смелее идите в жизнь! Учитесь у жизни, ищите правду, как неизменно учит нас партия.

— Партия — мудрый и верный друг писателя, — продолжает В. Ляцис, — обращаясь к ЦК КПСС ко Второму съезду писателей — замечательный документ, который долгие годы будет помогать литераторам в их работе.

Лев Кассиль в своем выступлении выразил радость многих писателей по поводу того, что рвется «перегородка» между детскими и «взрослыми» литературами — свидетельству чему, по его мнению, — содоклад В. Полевая. Но творчество некоторых молодых писателей, по мнению Л. Кассиль, неверно оценено или недостаточно отражено в этом докладе.

Мало еще у нас книг — властителей умов, повелителей сердец, говорит он, недостаточно в детских книгах романтики, приключений.

Один из старейших советских поэтов — Якуб Колас первое слово своего приветствия посвящает литературным ветеранам, которые встречались в Колонном зале 20 лет назад, на Первом съезде писателей. Остановившись на проблеме показа положительного героя, Я. Колас призывает писателей отражать главные черты героя нашего времени — лишь тогда герой будет действительно положительным. Для этого литераторам нужно самим знать жизнь лучше, нужно больше поднимать ее глубинные пласты. Для воспитания высоких духовных качеств в наших современниках писатели должны отражать в своих произведениях и вдохновении труда, и героический подвиг, и силу дружбы.

В зале большое оживление. На съезд пришли посланцы пионеров Москвы. На сцене перед столом президиума выстроились горнисты. Звенит фанфарный сигнал, и строем, под марш своего духового оркестра, в зал входят московские школьники. Красные галстуки горят на белых рубашках, а еще ярче горят улыбки на лицах.

В остротном стихотворном приветствии пионеры говорят, что «столько писателей вместе во сне не увидишь» — только на съезде! Они приветствуют своих любимых авторов и тут же добавляют:

Но мы скажем напрямик: Есть ты немало книг. Где ты знаешь все заранее, Хоть и первое издание. Разве это интересно, Если сразу все известно? ...От писателя такого Мало детям радости — Жизни слишком мало в книжках, Больше в книжках сладости. Искренне звучит ребячье требование: Больше обязательно Книжек увлекательных! Больше с приключениями, Меньше с поучениями!

В зале раздаются дружные аплодисменты, долго не смолкает смех. Приглашен быть в школах «не случайными наездами и не только перед съездами», громко передав пионерский привет писателям, пионеры покидают зал. А чуть позже, во время перерыва, в кулуарах съезда происходит живая беседа литераторов с юными читателями.

Иркутский писатель Г. Марков развернул перед собравшимися картину того, что

делается ныне на необъятных пространствах востока страны.

Докладчик рассказывает о работе писателей-сибиряков А. Коптева, С. Сартакова, К. Седых, П. Маляренского и многих других, говорит о многолетней деятельности журнала «Сибирские огни», выдвинувшего на своих страницах десятки новых писательских имен, о литературных альманахах, выходящих в Сибири. Он выражает недоумение, что А. Сурков в своем докладе и содокладчики совершенно не коснулись творчества так называемых «областных» писателей.

Горачими аплодисментами встречают собрание появление на трибуне китайского писателя Чжоу Ян. Он рассказывает о громадном, жгучем интересе к советской литературе китайских читателей. За пять лет на китайский язык переведено свыше 600 произведений советских писателей, тираж отдельных книг превысил миллион экземпляров. Не только книги, — советские пьесы и советские фильмы, приходящие в Китай, выплоляют свою огромную воспитательную миссию.

Богатый опыт, накопленный за 37 лет советской литературы, служит ныне всему прогрессивному человечеству. Советское искусство идет в авангарде борьбы за мир, произведения советских художников укрепляют дружбу между народами, помогают идти вперед и добиваться новых успехов.

Жоцкая съезду больших успехов в работе. Чжоу Ян передает в президиум подарки китайских трудящихся — две художественно выполненные вазы. В зале гремит овация в честь наших китайских друзей.

Неустанным заботе Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства о литературе посвящено выступление М. Бажана.

Украинская советская литература, окруженная отеческой заботой партии, выросла и укрепилась в борьбе против национализма, космополитизма и иных форм вражеской буржуазной идеологии, — говорит оратор. Он отмечает рост числа произведений писателей республики о героическом рабочем классе, о жизни колхозного крестьянства.

Рассказав о двадцатипятилетнем пути украинской литературы, пройденном ко времени Первого съезда писателей, М. Бажан называет широко известные в народе произведения.

Указав, что нередко еще появляются серые, закрывающие действительность произведения, поэт отмечает важность правильного изображения жизни. Очень много поочерно литераторы для дальнейшей своей работы из приветствия Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Владимир Луговской в своем выступлении говорит о высоком назначении поэзии, призванной волновать сердца, а малом количестве подлинно задуманных стихов, которых так ждут наши читатели. В нашей поэзии, к сожалению, нередко процветает абстрактная, декларативная риторика, элементы которой выступающий отмечает и в своем творчестве. Ряд поэтов попытался на целине, но слишком малый поэтический «сружай» снят пока что с целинных земель.

— Для того, чтобы идти вперед, нужны искания, необходимый риск, — заключает оратор. — Надо быть жадным в работе, мучаться ненасытным, что прекрасно выразил Маяковский, когда говорил о своем долге «перед всем, о чем не успел написать».

Татарский писатель Кави Наджи, участвовавший в работе Первого съезда писателей, рассказал о тех огромных преобразованиях, которые произошли в стране и в его республике за эти годы. Нефтяные промыслы в Татарии, мощные электростанции, новые социалистические города, выросшие в степи, — самый пейзаж республики меняется на глазах. Велик долг татарских писателей перед народом, — они еще не создали произведений о рабочем классе и механизаторах села, о дружбе народов и борьбе за мир. Почетным своим обязательством считают татарские писатели создание книги о поэте-патриоте Мусе Джалиле, героически погибшем в фашистском застенке.

Последним выступил на утреннем заседании Стенан Шиначев. Он говорит о неохотности появления в печати книг с восточными, холодными стихами, не согретыми авторским чувством. Во те время нередко задерживаются изданием отличные стихи, — они есть и у Д. Кедрина, и у погибшего на фронте В. Стрельченко. Пре-

красная поэма чувашского поэта Якова Ухсай «Дед Кельбук» немало лет ждала своей «очереди» в издательстве «Советский писатель», а ныне хоть и издана, но издана ничтожным тиражом.

Заканчивая свое выступление, С. Шиначев говорит о необходимости изданий стихов массовыми тиражами в виде тонких книжек, которые можно печатать и на газетной бумаге.

На вечернем заседании, которое проходило под председательством В. Ляциса, первым выступил старейший писатель Литвы А. Венуолис. Его выступление было проникнуто большой заботой о воспитании молодых и начинающих писателей. Широчайшие возможности, которые раскрываются в нашей стране перед молодыми литераторами, определяют вместе с тем и те большие требования, которые необходимо к ним предъявить. Самое важное для литературы — это хорошее знание жизни, говорит оратор, — если писатель не знает жизни, он не может быть писателем.

А. Венуолис считает, что молодым литераторам приносит вред чрезмерно ранняя профессионализация, что с ней связаны те случаи, когда, исчерпав свой небольшой жизненный опыт в первой книге, молодой писатель, не получая новых впечатлений, пишет свои последующие вещи слабее.

С. Рагимов, охарактеризовав путь, пройденный современной литературой Азербайджана за период, прошедший между двумя съездами советских писателей, говорит о том, что лучшие произведения азербайджанской литературы ныне стали достоянием всей страны. Однако, несмотря на эти значительные успехи, жизнь все же опережает литературу, в которой еще не нашли достаточного отражения темы героического, созидательного труда. Он указывает также на некоторые недостатки в современной азербайджанской поэзии. Оратор подчеркивает необходимость улучшения организационно-творческой работы в Союзе писателей.

Илья Эренбург напоминает об активном участии, которое принимала советская литература в построении и защите Советского государства — надежды всего человечества, о том, чем обязана советская литература народу, ее породившему, народу, который строит будущее на основе справедливости и гуманности.

— Почему буржуазная литература Запада иссякает? — спрашивает оратор. — Разве там нет одаренных и трудолюбивых авторов? Нет, там есть немало таких писателей, но общество, которое окружает их, не может вдохновить художника. Разгадка бесплодия многих буржуазных писателей заключается в распаде буржуазного общества, в том, что их окружает духовно оскудевший мир.

Говоря о мировом значении советской литературы, И. Эренбург подчеркивает необходимость остановиться на съезде не только на ее успехах, но и на том, что еще не сделано советскими писателями, задумавшимся над задачами, которые еще не решены.

Подчеркивая культурный рост нашего читателя, писатель говорит о случаях, когда мнение, высказанное критикой, расходит с оценкой читателей. Он осуждает критику безапелляционную, выносящую свои суждения, как приговор.

— Мы живем в замечательное время, — говорит Илья Эренбург, — мы являемся свидетелями того, как исчезают некоторые тусклые стороны жизни, как все более крепнут и торжествуют высокие принципы интернациональной солидарности, подлинной социалистической демократии, внимания к судьбе каждого, то есть наш советский гуманизм.

Напоминая о той международной обстановке, в которой работает съезд, И. Эренбург говорит: враги гуманизма, враги прогресса, враги народов пробуют остановить ход времени. Они грозятся потопить в крови будущее.

Мы будем отстаивать мир, а если безумцы осмелятся посягнуть на надежду всего человечества, они встретят народ, у которого не только сильная армия и передовая индустрия, — они встретят народ, у которого большое сердце и большая литература.

Э. Топчия, охарактеризовав успехи армянской советской литературы, говорит о значительных темах, в разработке которых армянские советские писатели еще остались в долгу перед своим читателем. Еще не созданы полноценные художественные произведения о рабочем классе, не на-

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Второй всесоюзный съезд советских писателей. Вчера в Колонном зале Дома союзов (1 стр.). Доклад Мандатной комиссии. Докладчик Л. Никулин (2 стр.). Проблемы развития прозы. Содоклад К. М. Симонюка (2—4 стр.).

Говорят зарубежные писатели. Анкета «Литературной газеты» (4 стр.).

Вечер в честь съезда писателей

АРХАНГЕЛЬСК, 17 декабря. В читальном зале областной библиотеки имени Добролюбова состоялся литературный вечер, посвященный Второму всесоюзному съезду

советских писателей. С чтением своих произведений на вечере выступили местные писатели.

250-я «Литературная среда»

Во Дворце культуры московского автозавода имени Сталина состоялась 250-я еженедельная «Литературная среда». Только в этом году здесь состоялось вечер, посвященные творчеству Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, А. М. Горького, В. В. Маяков-

ского и других писателей. С чтением произведений классиков русской и советской литературы выступили мастера художественного слова В. Аксенов, С. Котаряя, А. Шварц и другие.

НА ВТОРОМ ВСЕСОЮЗНОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ. Делегаты и гости в кулуарах во время перерыва (на снимках слева направо): 1. Французский писатель Луи Арагон, Борис Полевой, французская писательница Эльза Триоле и Илья Эренбург; 2. Виллис Ляцис, Александр Корнейчук, Ванда Василевская, Алексей Сурков и Мухтар Ауэзов; 3. Михаил Шолохов, Евгений Полевкин и Георгий Леонидзе; 4. Болгарский писатель Георгий Караславов и Конт-Фото М. Альперта, В. Егорова и В. Савостьянова

ДОКЛАД МАНДАТНОЙ КОМИССИИ

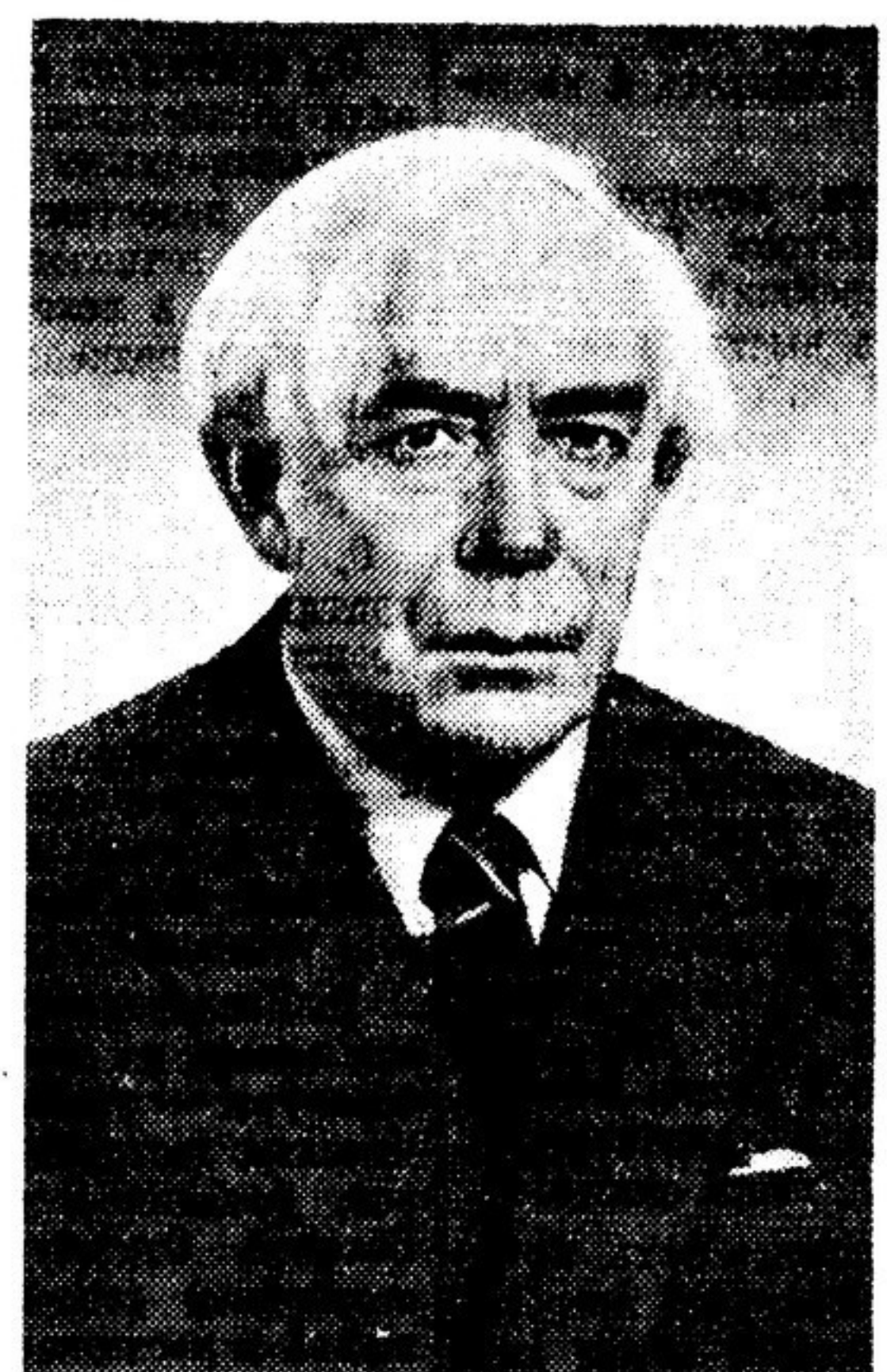
Докладчик Л. НИКУЛИН

Второй всесоюзный съезд советских писателей — это съезд представителей многонациональной литературы нашей великой социалистической Родины.

Во вступительной части содоклада К. М. Симонова дана характеристика трех основных периодов развития советской прозы за двадцать лет, прошедших между Первым и Вторым съездами советских писателей: годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, героические военные годы и, наконец, послевоенные десятилетия.

Всего избрано 738 делегатов, из них с решающим голосом 626 человек и с совещательным голосом 112.

На съезд прибыло 609 делегатов с решающим голосом и 111 с совещательным голосом. Не смогли прибыть на съезд по разным уважительным причинам 18 делегатов, в том числе с решающим голосом 17 и с совещательным голосом один человек.

В 1934 году в СССР состояло 1 500 членов и кандидатов. На 1 декабря 1954 года в СССР СССР состоит 3 695 писателей, в том числе членов СП — 3 142, кандидатов — 553.

Таким образом, количественный состав Союза писателей возрос более чем в два с половиной раза.

Количество и в то же время рост СП свидетельствует и о больших качественных изменениях, происшедших в советской литературе. В Союз советских писателей вошли новые силы.

Как уже отмечалось выше, в работе Второго всесоюзного съезда писателей участвовало 609 делегатов с решающим голосом и 111 с совещательным. Эти делегаты являются полномочными представителями писательских организаций всех союзных социалистических республик, автономных республик, областей и краев страны.

В числе делегатов Второго всесоюзного съезда — 634 мужчины и 66 женщин. На Первом съезде мужчин было 570, а женщин — только 21. В докладе председателя Мандатной комиссии Первого съезда писателей Всеволода Виталиевича Вишневского отмечалось, что такое соотношение не могло удовлетворить ни нашу страну, ни представителей литературы. Говорилось о том, что роль женщины в создании литературы социализма должна быть повышена.

В возрасте от 31 до 40 лет — 136 человек, от 41 до 50 лет — 343 человека, от 51 до 60 лет — 175 человек, старше 60 лет — 53 человека.

Среди делегатов Второго съезда — 522 члена и кандидата КПСС, или 72,5 процента общего состава делегатов. На Первом съезде коммунисты составляли 52,8 процента делегатов.

Что представляет собой национальный состав нашего съезда? На нем представлены писатели сорока пяти национальностей. В числе делегатов: русских — 250, украинцев — 71, евреев — 72, грузин — 45, армян — 36, белорусов — 28, азербайджанцев — 28, казахов — 20, латышей — 15, татар — 14,

узбеков — 13, литовцев — 12, таджиков — 10, киргизов — 10, осетин — 9, эстонцев — 8, молдаван — 7, туркмен — 6, чувашей — 6, якутов — 6, балкир — 5. Остальные 24 национальности представлены 49 делегатами: карелы, финны, адыгейцы, бурят-монголы, кабардинцы, коми, кара-нашки, кумыки, лаки, даргинцы, аварцы, дегисны, дунгане, мары, мордвы, тувинцы, умурты, хакасы, абхазцы, уйгуры, курды и др.

На Первом съезде писателей русских было 201, украинцев — 30, грузин — 28, армян — 19, белорусов — 17, казахов — 6, узбеков — 12 и т. д.

Сравнительные данные Первого и Второго съездов показывают, что за 20 лет в ряде наших национальных республик, где раньше литература лишь зарождалась, теперь, благодаря заботам Коммунистической партии, выросли и окрепли многочисленные отряды советских писателей, вносящих свой большой вклад в дело развития нашей общей многонациональной советской литературы.

В числе делегатов: 274 прозаика (38%), 241 поэт (33,5%), 64 драматурга (9%), 12 кинорежиссеров (1,7%), 65 критиков и литературоведов (9%), 30 детских писателей (4,1%), 18 переводчиков (2,5%), 14 очеркистов (2%), 1 сказочник и 1 фольклорист.

450 делегатов приняты в СП в 1934—1940 годах, 114 — в 1941—1945 годах и 156 — после войны.

Литературной деятельностью до 1917 года занимались 59 человек, в 1917—1934 годах — 435 человек, в 1935—1940 годах — 132 человека, в 1941—1945 годах — 44 человека, после войны — 30 человек.

359 делегатов имеют высшее образование, 205 — незаконченное высшее, 134 — среднее и 22 — незаконченное среднее образование. 55 делегатов имеют ученые степени и звания. Среди делегатов — 17 действительных членов и членов-корреспондентов Академии наук СССР и Академии наук союзных республик.

В числе делегатов — 161 лауреат Сталинских премий, 31 депутат Верховного Совета СССР, 41 депутат Верховных Советов союзных республик и 11 депутатов Верховных Советов автономных республик.

4 делегата — Герои Советского Союза, 682 делегата удостоены высоких правительственных наград.

Приведенные данные являются ярким свидетельством того, что советские писатели всегда стояли и стоят на передовых позициях борьбы за построение коммунизма в нашей стране. А. М. Горький говорил нам о том, что защита Родины — первейшая обязанность литературы. 372 делегата нашего съезда участвовали в Великой Отечественной войне советского народа против гитлеровских захватчиков.

После победы нашего народа над фашистскими захватчиками писатели-фронтовики активно включились в работу советского народа по ликвидации последствий войны, в борьбу за мир во всем мире.

Вклад советских писателей в дело защиты мира огромен. Многие из присутствующих на съезде делегатов являются членами Советского Комитета защиты мира, четыре делегата съезда: А. Е. Корнейчук, А. А. Сурков, А. А. Фадеев, И. Г. Эренбург — члены бюро Всемирного Совета Мира.

Среди присутствующих на Втором съезде делегатов 123 человека были делегатами Первого всесоюзного съезда писателей. Эти товарищи закономерно могут быть названы ветеранами нашей советской литературы. (Аплодисменты).

ЖИВОЙ РОСТ

Конечно, лучше всего было бы, если бы, соблюдая Устав нашего Союза, мы собирали съезды раз в четыре года. Тогда сейчас мы съездились бы не на Второй, а по крайней мере на Пятый съезд. Но зато миновали двадцатилетие, на которое мы взглянули с высоты сегодняшнего дня, давало нам возможность с необычайной ясностью увидеть все то, что мы за эти годы сделали, и те поразительные изменения, которые в нашей литературе произошли.

Мы, участники Первого съезда, писатели, с благодарностью и волнением вспоминаем, что, воле и замыслу Коммунистической партии и под могучими руками великана Горького, для нашей литературы, раздвинутой до 1932 года на группы и группочки, был выстроен наш новый дом, большой и светлый, наш Союз писателей, предназначенный вмещать великую литературу страны победившего социализма.

Если мы возьмем эпоху после 1932 года и до Великой Отечественной войны и оценим ее общим взглядом, то увидим, какими превосходными произведениями отличилась наша литература, вышедшая на широкие поля единого метода социалистического реализма.

Можно назвать много произведений этой эпохи, талантливых и потому бесконечно разнообразных. Назову хотя бы «Юношу В. Левина», «Танкер «Дербент» Крымова», «Кочубий» Перенцева. Эти произведения возникли в мирную эпоху, но в них уже чувствуется тот высокий накал, в котором можно предугадать готовность советских людей в момент суровых испытаний встать на защиту своей Родины.

Многие из наших товарищей писателей погибли смертью храбрых, сражаясь за Родину. Но те, кто остался в живых, в годы Отечественной войны и последующего мирного строительства создали новые произведения, проникнутые глубоким патристическим чувством, набоном восстающего трудового и радостного опущения близкого перехода нашей страны к коммунизму.

Все это процессы грандиозного роста, но это живой рост, и потому даже в самых лучших произведениях, рожденных войной и послевоенной эпохой, много несовершенного, нуждающегося в серьезной критике. Именно этой критике и ждет от нас на съезде наш растущий культурно, требовательный читатель. Интересы дальнейшего роста нашей литературы требуют от нас смелой самокритики. — Ведь если вся наша страна идет к коммунизму, то литературе надлежит первой поставить там наши знамена, первой зажечь призывные маяки.

Так же, как и двадцать лет тому назад, во время Первого съезда, великая Коммунистическая партия приходит нам на помощь. Глубокие и многозначительные слова приветствия, обращенного Центральным Комитетом КПСС к участникам Всесоюзного съезда, сказанные нам в светлом Кремлевском дворце, станут программой, компасом, по которому мы будем проверять дальнейшее развитие нашей литературы.

Так ответим же нашей партии, славному нашему советскому народу произведениями, достойными того вдохновенного труда, которым обнята вся наша Родина. Прославим великий исторический подвиг нашего народа, подвиг, свидетелями и участниками которого мы имеем счастье быть.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ

Содоклад К. М. СИМОНОВА

Во вступительной части содоклада К. М. Симонова дана характеристика трех основных периодов развития советской прозы за двадцать лет, прошедших между Первым и Вторым съездами советских писателей: годы, предшествовавшие Великой Отечественной войне, героические военные годы и, наконец, послевоенные десятилетия.

Вторая отрядная и вполне закономерная с точки зрения общего процесса нашей литературы черта — необычайно широкий выход на всевозможную арену, в переводах на русский язык, прозаических книг, созданных в литературах братских союзных республик. Проза братских республик была представлена на русском языке и до войны, однако надо сказать прямо, что такую всеобщую известность, какую получили, к примеру, «Абай» М. Ауэзова, «Бухара» С. Айни, «Знаменосцы» О. Гончара, или «Буря» В. Липина и «Песнь над водами» В. Васильевича, или «Наступил день» Мирзы Ибрагимова и «Перелазская роща» П. Рыбака, «Земля зеленая» А. Ушита, «Большая родня» М. Стельмаха, памфлеты Я. Галана, «В гору» Анны Саксе, «Аншэрон» М. Гусейна, «Тегеран» Г. Севуца, «Навои» Айбека, — такую широкую читательскую популярность книги художественной прозы, созданные в союзных республиках, получили лишь после войны.

На Первом съезде упоминалось лишь несколько книг русских писателей, живших на периферии. А попробуем-на теперь представить себе, если можно так выразиться, географию русской литературы, карту с обозначением мест рождения лишь некоторых из широко популярных книг: «Даурия» К. Седых — Чита, очерки В. Овечкина — Курск, «Свет ты наш, Верховина!» М. Тевелева — Ужгород, «Кавказские записки» В. Закруткина — Ростов, рассказы Г. Тропелюцкого — Воронеж, «Хребты Саянские» С. Сартакова — Красноярск, «Быстрополюг олень» Н. Шунцика — Хабаровск, «Семья Рубанюк» Е. Поповкина — Симферополь, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского — Ставрополь, «Сталь и пламя» В. Попова — Сталино, «Строители» Г. Маркова — Иркутск, «Великое кощевье» А. Коптелова — Новосибирск, «Северные рассказы» С. Залыгина — Омск.

Назвав выдающиеся книги, обогатившие за эти годы советскую литературу, проанализировав темы, привлекавшие за это время внимание писателей, докладчик сказал: — Стелано немало, и, однако, мы уподобились бы тем ученым, которые пытаются развивать науку «в затхлой атмосфере взаимного восхваления и замалчивания ошибок», о которых говорил Г. М. Маленков на XIX съезде партии, если бы почтили на дарах и удовлетворились достигнутым. Поэтому, трезво оценивая все немалые богатства, накопленные нашей литературой, и будучи всегда готовыми дать отпор нигилистическим попыткам изобразить дело так, что у нас еще якобы только начинают создаваться большая настоящая литература, мы в то же время должны на своем съезде особое внимание обратить на то, чтобы вскрыть все реально существующие недостатки и слабости в нашей работе, вскрыть для того, чтобы преодолеть все, мешающее развитию нашей литературы.

Если, дав общую картину многих наших успехов, обзор того, что сделано в нашей прозе, я в дальнейшем, касаясь ряда дискуссионных вопросов, буду особенно подробно говорить о наших ошибках и недостатках, то я заранее хочу отметить, что поступаю так не случайно, а вполне сознательно, будучи убежден, что это в наших общих интересах, в интересах дела.

О сущности метода социалистического реализма и многообразии стилей и творческих течений

Метод социалистического реализма зародился в нашей стране в предреволюционную эпоху, в период, когда большевики готовили революцию. Он зародился в предреволюционном творчестве Горького-художника, который верил в победу русского пролетариата, для которого победа социализма была не утопией, а ближайшей надеждой.

Социалистический реализм как метод утверждался в жестоких условиях классовых борьбы, в сложной обстановке строительства социализма в одной стране и доказал свою бесспорность в годы вооруженной борьбы с фашизмом.

Ныне, в послевоенные годы, когда на пути строительства социализма стало 900 миллионов людей, социалистический реализм развивается как основной метод литературы повсюду, где народ побеждает; метод социалистического реализма на наших глазах зарождается и в искусстве ряда капиталистических стран — там, где широкие слои трудящихся, видя успехи лагеря социализма, верят в перспективу победы социалистических идей в собственной стране и где есть художники, отражающие эту точку зрения простых людей своей работой и стремящиеся создавать свои произведения для этих простых людей.

Художник социалистического реализма, пренебрегая обвинениями в узости взгляда, стоит на той точке зрения, что на свете одна правда, что это правда народа, борющегося за социализм, и с высоты ее все иные, частные правды, вступающие в противоречие с ней, могут быть объектом изображения, но не могут являться предметом утверждения.

Литература социалистического реализма чужда какому бы то ни было пессимизму, «любезности» и «ражания пессимизма» (выражение А. М. Горького) — это неведение, а самая суть литературы социалистического реализма — это непоколебимая вера народных масс в победу справедливых социалистических отношений на земле.

В пределах литературы социалистического реализма, которая в широком смысле есть литература народного труда и народного подвига, нельзя представить себе, скажем, поэтизацию пассивности или лобованье собственным скепсисом, или заигрывание эгоизма, как форму утверждения своего «бессмертного Я».

В литературе социалистического реализма, так же как во всякой литературе, изображения в ней люди спорят, совершают ошибки, проступки и даже преступления, однако, не закрывая глаза на это, литература социалистического реализма выносит над всем этим свой неумолимый суд, справедливый в точки зрения больших интересов народа. Чтобы пояснить сказанное — о суде с точки зрения интересов народа, — приведу пример с маленькой повестью Э. Казакевича «Двое в степи». Писатель изображает в ней, как его герой, из-за минутной трусости не дошедший до дивизии приказ об отступлении и тем погубивший ее, будучи после этого осужден, лечит себя, жить во что бы то ни стало. Вся сила таланта Казакевича сосредоточена здесь на попытке эмоционально убедить нас, что этому юноше, у которого есть любящая мама и который, если не считать случая с гибелью дивизии, вообще очень хороший юноша, — что ему нужно жить. Однако достаточно применить к этой повести мерку большого народного суда, представить себе, что значило для страны потерять дивизию, что значило для нас потерять своих сыновей, — и все это в результате поступка одного симпатичного юноши, захотевшего остаться в живых, чтобы стало ясно: автор вынес свой суд в этом произведении не с точки зрения интересов народа, а вопреки им. Стало быть, эта повесть не просто ошибка в работе талантливого писателя, а его решительный отход в тот период от самого существа метода социалистического реализма.

Эстетика социалистического реализма не требует смягчения картины жизни там, где она суровая и даже беспощадна. Но она требует, чтобы за подвигом всегда видна была цель, за жертвой — во имя чего она принесена, за временным поражением — перспектива грядущей победы.

Возьмем «Чапаева». В габели Чапаева буржуазный писатель постарался бы подчеркнуть тщету человеческой жизни, проно и судьбы, горечь случайной гибели после стольких подвигов. Буржуазный писатель не преминул бы подчеркнуть, что с гибелью героя черпая и смысл книги, и смысл самой жизни. Именно с таким безудержным чувством написан, например, финал романа Э. Хемингуэя «По ком звонит колокол». Иное дело литература социалистического реализма, иное дело — писатель-большевик Д. Фурманов. Хотя Чапаев умирает в расцвете сил и таланта, но это, вызывая чувство горечи, не рождает чувства ужаса. Действительность одного человека трагически превращена, но она продолжается другими, — и не ужас смерти, а красота жизни во имя народа остается главным в душе читателя.

Смерть человека в нашей литературе — это не только и не просто драма биологического умирания, это драма бойца, выходящего из боя, не дожидаясь победы, и драма людей, теряющих товарища по борьбе. Так, с позиций борьбы за будущее, решается художниками социалистического реализма эта безысходная для буржуазной литературы тема человеческого конца.

Эстетика литературы социалистического реализма никогда не требовала от художника замалчивания или обхода трудностей, связанных с борьбой людей за будущее.

Социалистическому реализму, с его ясным отношением к жизни, с его оценкой людских поступков с высоты народных интересов, так же чужд соблазн смотреть на действительность сквозь розовые очки, как чуждо любованье мраком и страданиями. Однако за истинное двудеятельность нашей литературы жизни в толкование этого вопроса было внесено немало путаницы. Уже в некоторых выступлениях на Первом съезде писателей и в ряде статей, опубликованных тогда, содержались утверждения, говорящие о неверном понимании сущности социалистического реализма.

Вопрос, вокруг которого шли тогда споры, стоял так: является ли социалистический реализм критическим или, в противоположность старому, критическому реализму, он является реализмом, только утверждающим действительность?

Раскрывая свое понимание социалистического реализма, А. М. Горький писал, что в нашей литературе «мало изобразить существе, необходимо помнить о желаемом и возможном». В другом месте статьи «Беседа с молодыми» Горький критиковал авторов, которые не способны понимать «резкое внутреннее различие настоящего с прошлым и достойно оценивать настоящее» и неправильно относятся к жизни, где «их внимание останавливается по преимуществу на отрицательных явлениях ее и как бы не замечает явлений, требующих утверждения, развития».

С другой стороны, он говорил о критическом реализме, как о реализме, который «необходимо нам только для освещения пережитого прошлого, для борьбы с ним, вытравливания их».

«Даурия» К. Седых — Чита, очерки В. Овечкина — Курск, «Свет ты наш, Верховина!» М. Тевелева — Ужгород, «Кавказские записки» В. Закруткина — Ростов, рассказы Г. Тропелюцкого — Воронеж, «Хребты Саянские» С. Сартакова — Красноярск, «Быстрополюг олень» Н. Шунцика — Хабаровск, «Семья Рубанюк» Е. Поповкина — Симферополь, «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского — Ставрополь, «Сталь и пламя» В. Попова — Сталино, «Строители» Г. Маркова — Иркутск, «Великое кощевье» А. Коптелова — Новосибирск, «Северные рассказы» С. Залыгина — Омск.

Назвав выдающиеся книги, обогатившие за эти годы советскую литературу, проанализировав темы, привлекавшие за это время внимание писателей, докладчик сказал: — Стелано немало, и, однако, мы уподобились бы тем ученым, которые пытаются развивать науку «в затхлой атмосфере взаимного восхваления и замалчивания ошибок», о которых говорил Г. М. Маленков на XIX съезде партии, если бы почтили на дарах и удовлетворились достигнутым. Поэтому, трезво оценивая все немалые богатства, накопленные нашей литературой, и будучи всегда готовыми дать отпор нигилистическим попыткам изобразить дело так, что у нас еще якобы только начинают создаваться большая настоящая литература, мы в то же время должны на своем съезде особое внимание обратить на то, чтобы вскрыть все реально существующие недостатки и слабости в нашей работе, вскрыть для того, чтобы преодолеть все, мешающее развитию нашей литературы.

Если, дав общую картину многих наших успехов, обзор того, что сделано в нашей прозе, я в дальнейшем, касаясь ряда дискуссионных вопросов, буду особенно подробно говорить о наших ошибках и недостатках, то я заранее хочу отметить, что поступаю так не случайно, а вполне сознательно, будучи убежден, что это в наших общих интересах, в интересах дела.

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

В своей повести И. Эренбург касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни. Хорошо, что писатель не обшел в своей повести эти острые углы, хорошо и то, что в повести явно чувствуется авторская симпатия и волевание, когда речь идет о многих из ее положительных героев, таких, как Шерер, Соколовский, Кортеев, Савченко.

Однако, несмотря на все это, повесть рождает крайне противоречивые ощущения, а в конечном итоге — чувство неудовлетворенности. И происходит это прежде всего потому, что хотя положительные герои как будто по замыслу автора люди, каких много, однако по контексту повести это люди, каких мало, люди, чьи хорошие качества являются редкостью. Из многих высказываний героев начинает невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Трудно себе представить, что автор так и хотел изобразить наше общество. Но так у него получилось, и это факт, с которым в литературе приходится считаться не меньше, чем с самыми лучшими намерениями автора.

Вопрос о правде жизни

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

В своей повести И. Эренбург касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни. Хорошо, что писатель не обшел в своей повести эти острые углы, хорошо и то, что в повести явно чувствуется авторская симпатия и волевание, когда речь идет о многих из ее положительных героев, таких, как Шерер, Соколовский, Кортеев, Савченко.

Однако, несмотря на все это, повесть рождает крайне противоречивые ощущения, а в конечном итоге — чувство неудовлетворенности. И происходит это прежде всего потому, что хотя положительные герои как будто по замыслу автора люди, каких много, однако по контексту повести это люди, каких мало, люди, чьи хорошие качества являются редкостью. Из многих высказываний героев начинает невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Трудно себе представить, что автор так и хотел изобразить наше общество. Но так у него получилось, и это факт, с которым в литературе приходится считаться не меньше, чем с самыми лучшими намерениями автора.

Вопрос о правде жизни

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

В своей повести И. Эренбург касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни. Хорошо, что писатель не обшел в своей повести эти острые углы, хорошо и то, что в повести явно чувствуется авторская симпатия и волевание, когда речь идет о многих из ее положительных героев, таких, как Шерер, Соколовский, Кортеев, Савченко.

Однако, несмотря на все это, повесть рождает крайне противоречивые ощущения, а в конечном итоге — чувство неудовлетворенности. И происходит это прежде всего потому, что хотя положительные герои как будто по замыслу автора люди, каких много, однако по контексту повести это люди, каких мало, люди, чьи хорошие качества являются редкостью. Из многих высказываний героев начинает невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Трудно себе представить, что автор так и хотел изобразить наше общество. Но так у него получилось, и это факт, с которым в литературе приходится считаться не меньше, чем с самыми лучшими намерениями автора.

Вопрос о правде жизни

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

В своей повести И. Эренбург касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни. Хорошо, что писатель не обшел в своей повести эти острые углы, хорошо и то, что в повести явно чувствуется авторская симпатия и волевание, когда речь идет о многих из ее положительных героев, таких, как Шерер, Соколовский, Кортеев, Савченко.

Однако, несмотря на все это, повесть рождает крайне противоречивые ощущения, а в конечном итоге — чувство неудовлетворенности. И происходит это прежде всего потому, что хотя положительные герои как будто по замыслу автора люди, каких много, однако по контексту повести это люди, каких мало, люди, чьи хорошие качества являются редкостью. Из многих высказываний героев начинает невольно возникать ощущение, что им в их жизни доводилось видеть много плохого и мало хорошего, что плохое бывало чаще всего правдом, а хорошее — исключением. Трудно себе представить, что автор так и хотел изобразить наше общество. Но так у него получилось, и это факт, с которым в литературе приходится считаться не меньше, чем с самыми лучшими намерениями автора.

Вопрос о правде жизни

Советский писатель, создавший свои произведения на основе метода социалистического реализма, замечает в людях все, но любит в них то, что ведет их в будущее, он не закрывает глаза на низменное, но естественным для человека считает высокое. Он понимает их слабость, но хочет воспитывать в них силу!

Когда же литератор не видит или вдруг перестает видеть жизнь в ее революционном развитии, когда, полагая, что он подмечает в людях все, он на самом деле начинает обращать внимание главным образом на задки жизни, на все темное и черное, и вписывает его в свое произведение, вне соответствия с тем, какое это место занимает в подлинной жизни людей, то, разумеется, созданная таким методом картина жизни неуимою начинает обертываться гримасой. Подобные случаи имели и имеют место в нашей литературе, и я говорю здесь об этом кратко лишь потому, что у нас еще жив в памяти ряд недавних выступлений в печати, конкретно указывавших на последние по времени и наиболее очевидные факты такого рода, в первую очередь в драматургии. Однако, поскольку у нас здесь идет речь о прозе, я, упоминая о произведениях, в той или иной мере построенных на песке весьма приблизительного знания изображаемых людей и одностороннего суждения о них, не могу не дать хотя бы краткой оценки повести И. Эренбурга «Оттепель». О ней в нашей печати уже было высказано много весьма разных мнений, в том числе и мнение самого И. Эренбурга, что является само по себе отрядным фактом, ибо автор — и, добавим, не только знаменитый — имеет право на спор с критиком, если спор этот носит принципиальный характер и представляет общественный интерес.

В своей повести И. Эренбург касается ряда проблем, которые не может обойти литература, если она не желает обходить острые углы в жизни. Хорошо,

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ

(Продолжение. Начало на 2-й стр.)

На зыбкую, засасывающую почву объективизма Панова встала как раз в обрисовке нового, отщепенца, а главного положительного, а в его точки зрения, персонажа романа — в обрисовке Дороева. Написав историю отношений Дороева с его сыном Геннадием, историю, стыдную для Дороева, как для передового советского человека, призванного учить и воспитывать других, Панова как бы умыла руки и сказала: «Не хочу! Вижу, не осуждать не хочу. Не хочу выносить ей решительного осуждения ни собственными авторскими устами, ни устами героев. Больше того, не хочу осуждать Дороева и в мыслях самой Дороевой». В конечном итоге, Дороева предстает у Пановой не жертвой собственных ошибок, а жертвой обстоятельств, судьбы.

Панова хочет, чтобы мы любили и принимали ее Дороеву такой, какова она есть, независимо от того, как она решит вопрос своего дальнейшего отношения к сыну. А мы хотим знать, как решит Дороева этот важнейший для нее вопрос, и лишь зная это, сумеем сами дать ответ, какое место займет Дороева в нашем сердце.

Панова рассматривает человека как данность, а мы хотим поглядеть на него и в перспективе.

И этот вопрос шире разговора об одном образе Дороева. Мы можем вспомнить здесь и образы Лиды, Мирзоева или Узденкина из «Кружилки».

Упрощенская критика, стремясь объяснить реально возникающее чувство неудовлетворенности образами этих людей, спешила по привычке объявить, что таких не бывает. Это, разумеется, неверно: такие противоречивые люди, вызывающие противоречивые чувства, не только бывают, но их немало, и странно было бы рекомендовать писателю уклоняться от их изображения.

Но наша справедливая по отношению к советскому художнику претензия заключается в том, что мы хотим чувствовать, куда идут изображенные им люди, в какую — лучшую или худшую — сторону они будут меняться, и именно это до конца определяет наше отношение к ним.

Это — не нормативное требование, а выражение того активного, боевого духа времени, в основе которого лежит, с одной стороны, несгибаемая вера в переделку, совершенствование, развитие людей, а с другой стороны, — твердое убеждение в незакономерности застою, в постыдности отступления с завоеванных позиций. И когда этот дух времени сталкивается в талантливой книге с превращениями объективизма, то это спор глубоко принципиальный, а не придиравшая проработка, какою пытался объявить некоторые товарищи вообще всякую критику в адрес В. Пановой.

В нашем принятом на Первом съезде Уставе дано наиболее законное определение существа метода социалистического реализма. Там говорится:

«Социалистический реализм, являясь основным методом советской художественной литературы и литературной критики, требует от художника правдивого, исторически-конкретного изображения действительности в ее революционном развитии».

Это определение представляется совершенно точным, выдержавшим испытание временем и выражающим суть главнейших требований, предъявляемых нашим обществом к произведениям литературы.

Но далее в Уставе сказано:

«При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения должны сочетаться с задачей идейной передачи и воспитания трудящихся людей в духе социализма».

И вот эта вторая, по замыслу уточняющая фраза представляется мне неточной и даже, напротив, допускающей возможность критичности. Она может быть понята как отговорка: да, социалистический реализм требует от художника правдивого изображения действительности, но при этом такое изображение должно сочетаться с задачей идейной передачи людей в духе социализма; то есть, якобы, правдивость и историческая конкретность могут сочетаться с этой задачей, а могут и не сочетаться; иными словами — не всякая правдивость и не всякая историческая конкретность могут служить этой цели. И именно такое произвольное прочтение этой формулировки особенно часто в последние годы имело место у тех наших писателей и критиков, которые стремились «улучшить» действительность под предлогом того, что она дается в тенденции развития.

Именно в эти годы нашла у нас широкое распространение пресловутая «теория бесконфликтности», и в изрядном количестве книг появились те элементы приукрашивания жизни, слащавости, против которых сейчас довольно активно выступают и критика и писательская общественность. Однако давайте признаемся: ведь не год, и не два, и даже не три года назад, когда в партийной печати появились первые статьи о вреде «теории бесконфликтности», не тогда ведь впервые замечали мы эти элементы приукрашивания в книгах и те критические статьи, где поощрялось такое приукрашивание. Мы их видели и раньше. Более того, читатели во многих письмах, адресованных в наши журналы и газеты, указывали, что лакировка отнюдь не «улучшает» жизнь, а, напротив, обесцвечивает ее.

Не снимая ответственности с писателей и критиков за теорию и, главное, за практику бесконфликтности, все же ради истины надо сказать, что атмосфера, способствовавшая приукрашиванию жизни в ряде литературных произведений, не была чисто литературной атмосферой. Приукрашиванию жизни в литературе связано с ярым действительностью, вскрытых на XIX съезде партии и на последних пленумах ЦК КПСС. Приукрашиванию жизни в литературе связано с имевшим место в нашей общественной жизни настроением самодовольства, парадного благополучия, нежелания утруждать себя критикой ошибок и недостатков, отрицательных и болезненных явлений, реально существующих в жизни. Не случайно, что приукрашивание жизни наиболее остро проявилось в литературных произведениях, связанных по материалу с жизнью нашей деревни, ибо это и была та область нашей жизни, где существовало больше всего недостатков, ошибок, запущенности, весьма резких противоречий между истинным положением и его освещением в течение ряда лет.

При этом ошибка писателей, разумеется, заключалась не в том, что они показывали новое, переделку, а в том, что самое переделку, самое образцовое и лучшее, действительно существовавшее в жизни нашей деревни, нередко показывалось в их книгах не как пример для подражания, не как ориентир для общего движения вперед, но выдавалось за нечто уже повсеместно достигнутое.

Совершенно правильно избирая своим героем передового человека, возглавившего дело восстановления колхозного хозяйства, показывающего образцы организации труда, энергии, находчивости, многие авторы, наряду с этим, весьма энергично пригласили, отослали подальше, на задний план все отрицательные, темные и просто трудные стороны жизни. А раз таким приукрашиванием искажалась общая картина жизни, то проигрывали в своей достоверности и образы лучших людей деревни, ибо в литературе они добивались успехов с гораздо меньшими трудностями, нежели те реальные трудности, в борьбе с которыми они добивались успехов в жизни.

Однако, отмечая эти существенные недостатки, надо в то же время, не теряя чувства объективности, сказать, что обнаружившиеся в последнее время попытки списывать все эти книги токами в тираж не только мало полезны, но и несправедливы по существу.

Во многих из этих книг — возьмем ли мы книгу Ю. Лаптева «Заря», или «Лягушка» Г. Николаевой, или «Марью» Г. Медынского, или «От всего сердца» Е. Мальцева — есть немало такого, что дает хотя и неполное, но все же реальное представление о тех объективно существовавших громадных трудностях послевоенного восстановления деревни, с которыми пришлось столкнуться партии и народу, в этих книгах есть вера в успех, в силу колхозного строя.

Мне кажется странной и вряд ли заслуживающей уважения позиция тех критиков, которые сейчас готовы чуть ли не сровнять с землей все эти книги и за ним числом высказывают на каждой их странице бесконфликтность, лакировку и прочие семь смертных грехов вместо того, чтобы объективно оценить в книгах хорошее и плохое и трезво, по-хозяйски подумать над возможностью дальнейшей работы над ними.

Но самый серьезный упрек следует предъявить тем критикам, которые сразу после выхода той или иной книги заведомо оправдывали как раз самые слабые ее стороны и довольно-таки энергично, отечески подталкивали писателя на путь еще большего приукрашивания жизни, смягчения трудностей и противоречий.

Еще в 1950 году И. Рабов, разбирая «Лягушку» Г. Николаевой, в сущности, весь пафос своей статьи обратил на то, чтобы поощрить писательницу к облегченному изображению жизни, писал: «В романе идет речь о буднях, но посмотрите, какая чудесная атмосфера праздничности есть в этих буднях...» — то критик А. Эльштейн уже в 1954 году в журнале «Звезда», в статье «Будни или праздники», выступил вообще с призывом: «Нам нужна праздничная литература, не литература о «праздниках», а именно праздничная литература, подымающая человека над мелочами и случайностями...» (При этом слово «праздничная» дважды выделено курсивом).

Праздничная, предпраздничная, после-праздничная... при такой воскресной критической терминологии могут вообще, чего доброго, вылезти из обращения понятия будней, труда, борьбы, жертв, потерь, преодоленных преград и кровью и трудом завоеванного счастья.

Нам следует отчетливо сказать, что история нашего советского общества, изображение которой на протяжении трех с половиной десятилетий отныне главные силы советской литературы, как и всякая история, ни на каких ее этапах не нуждается ни в ухудшении, ни в улучшении.

Между тем, стремление игнорировать сложности, противоречия и темные стороны действительности, выдавать многое из только еще желаемого за уже существующее влекло за собой в литературе, в критике, в редакционной работе стремление смотреть и на прошлое Советской страны с позиций приукрашивания жизни, стремление антиисторически подтравливать прошлое к современности.

Так появились призывы смягчить в произведениях о гражданской войне элементы стихийности, неосознанности, которые были присущи определенным категориям людей того времени. Так появились советы упростить изображение сложного пути старой интеллигенции, в итоге прайсшей на службу народу; так в применении к произведениям о войне выдвигались требования уже в 1941 году показать воинское умение наших командиров таким совершенным, каковы оно стало лишь в ходе войны, в 1943—1944 годах.

Откровенно перестраховочные и прикрытые всякого рода ложным теоретизированием попытки приукрашивания познаний представлений в предшествующее время не раз сказывались в нашей литературе весьма отрицательным образом.

Во-первых, случалось, что произведения ценные, правдиво показывавшие соответствующую эпоху истории советского общества, в том числе и произведения умерших авторов, оказывались в забросе, не переиздавались, и даже упоминания о них не включались ни в статьи, ни в обзоры литературы.

Во-вторых, немало произведений живых авторов, где были реальные недостатки, не замеченные тогда, когда книга писалась, но заметные теперь, с новой исторической вышкой, при переиздании перерабатывались не на линии исправления подлинных ошибок или художественных несовершенств, а по линии подгонки прошлого к настоящему, и тем самым, естественно, портились.

Наконец, в-третьих, отнюдь не и многочисленные собрания сочинений наших современников часто издавались в неоправданно суженом виде, не давая представления о подлинном пути писателя, о многом существующем, что им создано.

Хорошо, что у нас в последнее время появились такие собрания сочинений, как, например, более или менее полный шеститомник К. Фелина, но это лишь начало той работы, которую издательствам необходимо предпринять, чтобы все богатство нашей литературы, вся картина ее развития предстала перед читателем в их подлинном объеме и широте. Достаточно, например, сказать, что после выхода собрания сочинений Вс. Вишневского этот замечательный драматург и публицист заново предстанет глазам читателя как крупный и самобытный прозаик. Только теперь готовится переиздание произведений И. Ильфа, Е. Петрова в издательстве «Советский писатель».

Стремиться улучшить, освободить от недостатков свои старые произведения — это не только право, но и обязанность писателя. Снабдить детальным предисловием, толковыми примечаниями произведения умерших авторов, нуждающихся в таких предисловиях и примечаниях, — не только право, но и обязанность издательства.

Но все это не имеет ничего общего с попытками «улучшить» историю литературы, не заметить в ней ничего противоречивого и беспретливой рукой сбросить со счетов любые произведения, если они не свободны от тех или иных недостатков.

Говоря об изображении истории нашего общества в литературе, следует отметить, что развившееся за последние десятилетия в разных областях нашего искусства приращение к монументальности во что бы то ни стало было связано с «культутом личности», с односторонним пониманием задач искусства социалистического реализма, при котором творчество исторической конкретности сводилось к стремлению изображать первым планом непременно и только крупнейшие исторические личности. При изображении же этих крупнейших исторических личностей воспитательная роль исторической конкретности в свою очередь понималась так, что любой великий человек должен быть показан лишь в своих великих решениях и деяниях в великие минуты истории. В итоге зачастую (особенно наглядно это происходило в кинематографии) великие люди превращались в живые монумены, а воспитательная роль произведений на самом деле сводилась, ибо люди переставали влиять в великом человеке человека, его человеческие качества, родившие его с ними, делавшие его понятным и близким народу, нисколько не уменьшая при этом, а лишь подчеркивая его внутреннее величие, в понимании которого и кроется и такая немаловажная сторона, как человечность великого человека — та, о которой с такой силой писал В. Маяковский в своей поэме «Владимир Ильич Ленин».

О месте личности главного героя в повествовании, о чрезмерном выпячивании его за счет волевого или невольного приращения всех окружающих, как о тенденции, идущей вразрез с социалистическим реализмом, следует поговорить и на материале литературы о современности.

Весьма характерным в этом смысле является целый этап в творчестве Ф. Панферова, начиная с романа «Свет над землей», четвертой книги его «Брусков».

Панферов принадлежит к числу писателей, которые, в особенности в лучших своих книгах, не боялись острого проблем и противоречий, возникающих в жизни, не останавливаются перед тем, чтобы показать не только радости, но и трудности, беды, испытания, через которые мы проходим. Однако, начиная с четвертой книги «Брусков», которая была в этом смысле чрезвычайно резким рубежом в его творчестве, Панферов, по-прежнему рисуя много правдивых подробностей жизни, вдруг вместо обыкновенных мужественных и сильных людей, какие у него действовали в первых трех книгах, стал укоренять в четвертой книгу богатыря: как махну — улица, как махну — переулок, — героев, которым все нипочем. Именно в такого богатыря Панферов в четвертой книге «Брусков» превратил своего Кирилла Жаркина, сделав из него человека, которому все сразу же нипочем, беспрепятственно возмущению которого нет ни разумных мотивировок, ни логических пределов и который именно поэтому начал выходить из доверия у читателей.

В IV томе «Брусков» Кирилла — еще когда он директорствует в МТС — вызывают в Кремль, и там в связи с новыми задачами, вставшими перед страной, ему почему-то советуют «сменить рубль», предупредительно для расширения кругозора съезды за границу. Возвратившись из-за границы, Кирилла вдруг становится секретарем горкома и наблюдает за строительством крупнейшего металлургического завода. В любом деле он легко добивается успеха и высокомерно говорит о себе: «Я — трактор... Я поднимаю пласты, а вы... должны за мной сеять, разрабатывать». Все окружающие, в соответствии с этой самохарактеристикой, молятся на Кирилла, как на икону. Стоит Кириллу в праздник появиться на трибуне, как в нем уже несетя со всех сторон волна приветий: «все ревели, аплодировало, орало. Кирилла невольно чуть заметно улыбнулся, но демонстративно как будто только это и ждал» — двухсоттысячная плотка гаркнула еще сильнее и своим ревом затопила все».

Но не один Кирилла начинает выступать в четвертой книге «Брусков» как сказочный богатырь. Многочисленные превращения происходят и с другими героями.

Все, вместе взятое, начинает превращать роман в странное повествование, где подученная история скоростного роста всех главных героев развертывается на фоне целого ряда вполне жизненных реалистических картин там, где речь у Панферова идет не о его любимых героях, переведенных им в разряд сверхчеловеков, а просто о других, нормально, без авторского подталкивания в сторону, растущих людях.

В своих следующих романах «Борьба за мир», «В стране поверженных» и «Большое искусство» Панферов создает образ директора завода Николая Кораблева.

В нашей жизни есть незаурядные, способные многое совершить люди, но их сила как раз в том, что они критично связаны с жизнью и становятся выдающимися людьми в результате громадного труда, собственного и коллективного, преодолевая все препятствия, не перескакивая через десять

ступенек, а проходя прекрасную и суровую повседневную школу строительства социализма. Панферов же пошел по совершенно чуждому социалистическому реализму пути непрерывного подчеркивания исключительности своего героя: поднял Кораблева над действительностью, поставил его высоко над массой, сделал из него человека, которого массы у Панферова не столько уважают, сколько обожают, который не делает дела, а творит чудеса, не выходит на работу, а является народу!

Думается, что в последней своей книге «Волга-матушка река» Панферов в какой-то мере начал чувствовать, что в своих предыдущих романах он шел по неверному пути. В «Волга-матушка река» есть хорошие страницы, напоминающие первые три книги «Брусков». Панферов вновь подходит ближе к жизни и смело поднимает ряд важных, существующих в действительности проблем.

Однако и здесь, если проанализировать образ главного героя романа Акимя Морева, нетрудно увидеть, что автор все еще несомненно решительно освобождается от той гиперболичности, а подчас и просто лубочности, которые он усвоил себе в предыдущих книгах и которые находятся в резком противоречии с методом социалистического реализма.

Как подробно остановился на этом вопросе потому, что дело тут не только в творческих ошибках Ф. Панферова, — влияние этих неверных тенденций, превращение роли личности, дробление ее, приподнимание ее над массой сказались на ряде литературных произведений, в частности на романах С. Бабаевского и в особенности на изображении главного героя

Сергей Тутаринов во втором из этих романов — «Свет над землей».

Нельзя сказать, что Бабаевский не знает колхозной жизни, напротив, он рисует немало жизненно правдивых эпизодов, показывает серьезные промахи, которые допускают люди, восстанавливая колхозное хозяйство, резкими мазками рисует отрицательных персонажей, в столкновениях с которыми по началу романа Тутаринов проявляет характер активный, решительный, прилежательный самияти. Вследствие всего этого в «Кавалере Золотой Звезды» в общем не создается ощущение оглуляющего приукрашивания действительности, и хотя эту книгу по уровню мастерства нельзя причислить к выдающимся произведениям нашей литературы, но, не делая ей скидок и отмечая все ее недостатки, не следует забывать, что Бабаевский здесь первым по времени попытался рассказать о первых победах и успехах в деле восстановления и укрепления колхозов в послевоенный период. А такое право первооткрывателя связано в литературе с дополнительными трудностями, возникающими перед писателем, раньше других, оступаясь, идущим по непрочному пути.

Однако уже и в первой, наиболее удачной книге «Кавалера Золотой Звезды» были тревожные симптомы. Само по себе обстоятельство, что Тутаринов был кавалером Золотой Звезды, чрезмерно выпячивалось в его биографии, выдвигалось на первый план. И уже появлялось ощущение, что не награда — следствие личных свойств Тутаринова, а что его личные свойства являются следствием награды.

Вслед за «Кавалером Золотой Звезды» Бабаевский выпустил две книги романа «Свет над землей».

Когда читаешь этот роман, создается впечатление, что автора интересует не столько сама жизнь во всех ее реальных противоречиях, а главным образом то, как его герои идут все к новым и новым успехам, неизменно повышается при этом в должностях. В конце романа мы узнаем, что Тутаринов становится первым секретарем райкома вместо Кондратьева; Нецетовым намечается вторым секретарем; Остроухов — председателем райисполкома; Кондратьев — секретарем крайкома. Надо ли добавлять, что это всеобщее, без зазорных, повышение героев в должностях едва ли можно считать правдивым изображением в литературе того смелого выдвижения новых кадров, которое происходит в жизни. В книге — чем ближе к концу ее, тем больше — дело изображено так, словно у нас в деревне все проблемы остаются только повышаться в должностях. Если бы автор продолжил роман, согласно этой логике, то, очевидно, Кондратьеву предстояло уехать в Москву, Тутаринову — в Старополь, Нецетову — стать первым секретарем райкома, а всем рядовым колхозникам сделаться председателями колхозов.

Любить своего героя — это еще не значит наделять его легкими успехами, не значит обогащать и возвышать его сверх меры за счет пребывания окружающих его людей, которым только и остается, что рапортовать ему или смотреть на него снизу вверх, запропав головы. Любовь к герою не должна мешать правдивости его изоб-

ражения, иначе в книгах начинает приживаться особая форма лакировки действительности, когда среди десятков правдивых деталей жизни, среди живых людей, нарисованных на втором плане, постепенно вырастает герой, в силу своей исключительности с исключительной легкостью совершающий все то, что в муках и радостях трудных побед дается другим, обычным людям.

В связи с этим я хочу отметить, что не только повышенный интерес к темным сторонам жизни, но только игнорирующее жизнь в ее развитии и движении вперед объективистское бесстрашие, но и приукрашивание, — иными словами, всякое искажение правды жизни приводит не только к эстетическим ошибкам, но, в конечном счете, к слабостям и ошибкам идейным.

Социалистические идеи не могут базироваться на неправде. Только правда о жизни может быть подлинной, а не фиктивной базой идеологии. Это подтверждает весь положительный опыт советской прозы, опыт изображения в литературе лучших людей, живущих среди народа, преодолевающих реальные трудности и острезывающих реальные победы.

Наша предсезонная дискуссия о положительном герое носила оттенок схоластики потому, что все ее положения обычно аргументировались одним-двумя литературными образами. На самом же деле мы вовсе не бедны и могли бы в эти дискуссии и можем здесь, на съезде, назвать десятки живых людей нашей литературы, наших положительных героев, составляющих вместе как коллективный портрет передовых людей нашего общества.

На этом портрете будут разные лица, мужские и женские, юные и старые; разная одежда — военная и гражданская, но все это будут не придуманные, не прачуранные в статуи, а живые, чем-то очень похожие и чем-то вовсе не похожие друг на друга настоящие советские люди, в которых миллионы читателей, каждый по-своему, узнают самих себя, своих родных, друзей, любимых, соседей, сослуживцев, однополчан.

На этом портрете мы увидим не сразу, но зато уже до конца беспощадно научившего ненавидеть врагов Андрея Лопухова, и скромного, без лишнего слов отдавшего жизнь за Родину разведчика Травкина, и угрюмого метателя Саню Григорьеву, и горячего Умару Магомета, и хмурого осмотрильного Мересена, и педантичного и дерзкого Момиш-Улы, и зарюную и смелую Любу Шевцову, и словно вырубленного из одного куска камня — цельного, неуязвимого и благородного Илью Журбина, и негиблого латышского коммуниста Ина Лихуна.

Старый Тарас из «Непокоренных» Горбатова сможет найти себе место на этом портрете подле юных, голдищих еще в синюю Андрея и Виктора из «Донбасса». Юлия Дмитриевна из «Спутников» с ее золотыми руками и доверчивым сердцем встанет там рядом с самолюбиво любящим свое гуманное дело Иваном Ивановичем или с доктором Власенковой — порывистой и чистой натурой, отдавшей свою жизнь делу спасения людей.

Мы найдем на этой картине и отца своих солдат, душу полка комиссара Воронцова из «Знаменосцев», и строгого и мужествен-

О творческом труде и всестороннем изображении человека

Партия всегда указывала нам на воспитательную задачу, как на главную задачу, стоящую перед всей литературой, подчеркивая при этом, что воспитывать людей можно правдой и только правдой. Метод социалистического реализма вооружает художника могучим оружием правды — правды в критике и правды в утверждении, правды, не закрывающей глаза ни на достоинства, ни на недостатки. И вместе с тем метод социалистического реализма — не арифмометр бесстрастного калькулятора, пласующего плохое к плохому, а хорошее к хорошему и на том исчерпывающее свою задачу. Этот метод — оружие в руках воистинствующего художника, который бичует дурное во имя того, чтобы утвердить доброе.

Это — общее положение. А чтобы на каждом данном этапе усилить существо конкретных воспитательных задач, которые мы призваны решать повседневным своим трудом, надобно даже и самые частые творческие замыслы соотносить с масштабами и существом тех задач, которые ставят перед собой партия и народ.

Наш народ переживает сейчас годы наибольшего в его истории размаха творческой, трудовой деятельности. Что бы мы ни вспомнили из того, что свершается сейчас, — воял ли новых производственных мощностей в тяжелой промышленности, пуск ли новых электростанций, водичество ли вновь распаханных земель, расширение ли производства товаров народного потребления, — мы чувствуем решительные сдвиги в жизни, экономике и культуре страны.

В чем же основа происходящего в стране подъема? Это — спокойная вера в свои силы, ничем не затуманенное чувство перспективности, твердая уверенность в неизбежности наших социалистических отношений, в победоносности наших принципов.

А в чем все это практически выражается в жизни людей? Не в словах, не в клятвах, не в многогранных заветных в своей преданности делу социализма, а в труде. В труде выражается достоинство человека, в труде выражается его вера в социализм, в труде выражается его понимание перспектив нашего общества.

В обстановке, когда творческий труд является основой жизни нашего общества, изображение людей в их трудовом подвиге не может не стать основой литературы, если она хочет быть вместе с народом.

При этом нам надо избежать какого бы то ни было схематизма и вульгаризации в определении того, что означает в литературе тема трудового подвига. Любой схематизм в этом вопросе, любая вульгаризация на руку тому, кто хотел бы скомпрометировать саму эту тему, кто любит противопоставлять людей машинной и душевной жизни — труду и считает, что в литературе не влезает на тракторе.

Нет, неправда, в литературе можно влезать и на тракторе, и на бульдозере, и на паровозе, и на комбайне. Весь вопрос только в одном: что за люди у руля. Тема трудового подвига — это человеческая

ного комиссара Альпера из «Бури» Эренбурга, и самолюбиво, самоуверенного, но тоже умеющего подчинить себя делу служения Родине директора Листопада из «Кружилки», и Батманова, любящего и злобной суровой отцовской любовью, и беззаветно преданного долгу майора Березкина из романа «За правое дело» В. Гроссмана, и неосознанно для себя становящегося подпольником скромного бухгалтера Колесниченко из романа «За власть Советов» В. Катаева, и наивных и героических юных партизанок Олю и Лену Куроченко из повести В. Герасимовой «Байдарские ворота», и сына подвига четырнадцатилетнего Ваню Солнцева, и мудрого и веселого старого Сырбая из «Сыр-Дарьи» С. Мухомова, и старого Вихрова — такого, казавшего бы, не признающего себя в борьбе и такого же самозабвения непоколебимого защитника русского леса, и несправившего со своей нравственностью Воропаева — из «Счастья» И. Навленко, и бесстрашного полковника агитатора Сливача из повести В. Овечкина «С фронтовым приветом», и борца за народную правду кузнеца Игнатова, и великую и стойкую радистку Михайлову из рассказа «Март — апрель» В. Кеженикова, и героических матросов из «Морской души» Л. Соболева, и бесповоротную Нишу Крайнову из рассказа С. Антонова «Первая должность».

Нам есть кем гордиться в нашей литературе, когда мы говорим о ее положительных героях, нашему советскому читателю в нашей большой литературе, в нашей богатой прозе есть с кого брать пример прекрасного человеческого поведения.

И именно сила и зрелость этой традиции в нашей литературе заставляет нас и страстно бороться за ее продолжение и развитие и обрешиваться на всякое искажение и приращивание в попытках лакировать жизнь и живьем захаривать героев.

При этом для нас особенно нестерпимо, когда подобные искажения традиции правдивого изображения жизни в нашей литературе прикрываются лицемерной заботой о ее воспитательной силе, — дескать, как бы показ и сейчас еще не преодолены трудности, не уничтожены пережитки прошлого, не устранены еще противоречия не помешал правильно воспитанию масс, не напал бы пестынька на платя положительных героев!

Но люди у нас не дети, а литература — не гувернантка, которой предписано вольно ничем не только по песочку поспанным дорожкам. Советский метод воспитания не метод бабьиха, а метод закалки. Лучшие книги советской литературы складываются в рассказ о настоящих людях, о том, как закалялась сталь. А закалка стали — это мужественное знание для мужественных людей, а не пыточные чирьяние гувернанток. И надо отчетливо сказать, что всякая лакировка, обход сложностей, прилежание героям идеальных английских крыл уродуют литературу и находятся в резком противоречии с интересами читателей, с интересами советских людей, с интересами нашего советского строя, прямо заинтересованного в том, чтобы литература с бескомпромиссной правдивостью изображала жизнь в ее революционном развитии и тем самым не бабьела, а закаляла людей.

Человек может быть милым, славным, красивым, веселым, но если он бездельник, если он дерзит с того всенародного фронта, где воеют за будущее страны, он получеловек, обыватель. Человек может быть чистым в личных отношениях, верным в любви, но если он относится к своему делу спустя рукава, он не вправе рассчитывать на наши симпатии. Человек может быть усидчивым и энергичным, но если он вдруг, заметив, что толчет воду в ступе, не оставит это бесполезное для народа занятие и не потребует другой работы, он бездельник, несмотря на всю энергию, посвящаемую им точному вою в ступе.

Человек не может быть для нас красивым и привлекательным, если неактивно, непричастно, недостойно его отношение к труду. Ибо его отношение к труду — это вопрос его чести перед народом. Его отношение к труду — это вопрос его идеальности, его преданности — не на словах, а на деле, — идеям коммунизма.

При этом в литературе нельзя разрываться две постоянно существующие стороны одной и той же задачи. Когда мы говорим, что основным предметом утверждения изображения в литературе должна являться творческая трудовая деятельность человека, то мы тут же должны сказать, что основным предметом для разоблачения и осуждения в литературе должно быть все, что противостоит нашему пониманию творческого труда. Наша литература не имеет права проходить мимо таких явлений, как симулирующее труд натужное крахание под мнимым бременем, бумажные отписки от подлинного труда, циничное переваливание тяжести со своих плеч на чужие, равнодушное и завесное толчение воды в ступе. Все это у нас есть, и, к сожалению, еще в немалом количестве. Это лишние накладные расходы на все сделанное истинными тружениками, и виновники их, этих расходов, подлежат осуждению, критике, беспощадному осмеянию, и если уже говорить о сатире, то где, как не здесь, самое широкое поле боя, на котором можно и должно сражаться этим острым, разящим оружием, ставя при этом перед собой не мелкие цели обывательского зубоскальничья, а поистине государственные задачи — те самые, в силу которых Маяковский не случайно написал своих «Прозаседавшихся», а Ленин не случайно заметил именно это стихотворение.

(Окончание на 4-й стр.)

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРОЗЫ

(Окончание. Начало на 2-й стр.)

В центре картины нашей современности, изображаемой литературой, должны стоять те люди, которые стоят в центре жизни нашей эпохи, — люди творческого труда, люди ядровые и несущие в себе, вместе с тем, героическое начало. Наблюдая этих людей только в труде, как бы много они ни отдавали этому труду своего времени и сил, значило бы, однако, показывать их одиоко. Но труд — центр их жизни, но еще не вся жизнь. Ибо труд — новое содержание их жизни, но еще не все содержание. Ибо они не могут представить себе свою жизнь без творческого труда, но они не желают представлять ее и без любви, без дружбы, без материнства, без многих других радостей и трудностей жизни.

Рассматривая творческий труд советских людей как предмет художественного изображения, мы сразу же обнаруживаем, что с этой темой неразрывно связывается вопрос о всесторонности изображения явления, вопрос о сочетании общественного и личного в жизни человека.

Примат общественных интересов над личными связан с высокой идейностью людей, строящих коммунизм, с творческим характером их труда — это реальная правда жизни. Но слово «примат», как известно, обозначает «преобладание», а не вытеснение, но подмену, но забвение личного во имя общественного.

Литературные вульгаризаторы многократно продемонстрировали свое полное непонимание того, что китайская стена, которая в условиях старого общества отделяла частную жизнь человека от его общественной деятельности, а точнее говоря, его дом и семью от места службы, эта китайская стена в обстановке социалистических преобразований не легко и не просто, но все же постепенно ломается с обеих сторон. Общественная деятельность, труд, как творчество, все в большей мере становится личным делом человека, а в личной жизни его все большую роль играет отражение общественных интересов.

Когда мы говорим о том, что социализм воспитывает всестороннее развитие человека, то мы подразумеваем и эту важнейшую сторону дела — решительную ломку китайской стены между «частным» и «общим», между личным и общественным. Настоящий писатель никогда не предает забвению ту сторону жизни героев, которую мы называем личной, ибо он понимает, что тем самым расшатывает естественные мотивы общественного поведения своих персонажей.

Если тут говорить о погрешностях критики, то следует иметь в виду не только вульгаризаторские окрики, подменяющие справедливое требование показать главное в человеке схематическим требованием показывать человека только в главном.

Надобно сказать об оборотной стороне этой медали, — о том, что критика у нас слишком часто относится слишком терпимо к тому, когда писатель немощно изображает личную жизнь человека. Причем эта терпимость находит свое выражение и в той предварительной форме критики, которая называется редактурой.

Как часто мы встречаемся в критике с мелком брошенной фразой: «В союзе, личная жизнь героев осталась в тени», или: «В союзе, недостаточно оказалась раскрытой личная жизнь героев, что несколько снижает общее звучание некоего произведения». А между тем, пора бы в критике по-серьезному перейти от законченных соображений к подробному разбору того, как снижается общее звучание произведения, если в нем не разработана личная жизнь героев, и как, наоборот, вырастают в книге люди, как они врезаются в память читателя, когда они показаны всесторонне, по-настоящему.

В этой связи можно назвать немало произведений, вышедших в последние годы и закономерно снискавших себе большую симпатию читателей. Но слишком часто писатели, в силу самых лучших побуждений, подчеркнуто выключая в своих книгах труд и только труд, попутно обеляют все остальные стороны жизни человека. А читатель с этим не хочет мириться, ибо в его жизни творческий труд занимает главное место и потому не за счет всего остального, а за счет расширения всего масштаба его жизни, развития всех его человеческих чувств и качеств.

И тут я бы хотел поставить на чистоту еще один вопрос: давайте спросим себя, почему читатель чаще всего находит не стыдную, не мелком, а в полную силу изображенную любовь по преимуществу в тех книгах советских писателей, которые посвящены далекому или недавнему прошлому? Почему для того, чтобы прочесть, пережить всю силу драмы неразделенной любви или всю силу счастья любви разделенной, он должен обратиться к «Первым радостям» и «Необыкновенному лету» Б. Федина, но он не найдет истории Лизы Мешковой и истории Аночки Парубинской в книгах, посвященных современности? А между тем, такие драмы большой и достоверной любви, как любовь Извегова в Лизе, любви, споткнувшейся о завязку мешаночек, теплое чувство, происходящее и сейчас. И такое счастье, как счастье Кириллы, встречающего Аночку, тоже, разумеется, встречается в нашей жизни.

Я не говорю о силе таланта, но почему мы редко видим даже попытку изобразить такую трудную, большую, я бы сказал, героическую по силе преодоления всех препятствий любовь, как любовь Аксиньи и Григория в «Тихом Доне»?

Что же, у нас люди обделены страстями? Что же, в их личной жизни мало драм, потрясений, жадных и поисков счастья? Нам надо объявить беспощадную борьбу тем жанрам в критике, которые готовы возмущаться глубинной страстью, силой чувств, разнообразием мира человеческих страстей, когда речь идет о произведениях, посвященных далекому или менее далекому прошлому, но которые почему-то считают, что все это богатство человеческих страстей, входя в период построения социализма, надо, как каленым, оставлять на вешалке, чтобы, не дай боже, не насладить.

Сознательно, говоря о личной жизни вообще, заостряя в конце разговора вопрос именно на изображении любви. Конечно, это далеко не единственная проблема личной жизни человека, личная жизнь — это проблема и любви, и материнства, и от-

цовства, и дружбы, и принципиальности, и душевной щедрости или скупости. Но проблема любви — самая острая, потому что вокруг нее в нашей критике процветает и еще процветает особенно много ханжества, особенно много непонимания того, что любовь — это неотъемлемая часть духовной жизни человека нового общества, а не просто опасный для высказывания критических суждений вынужденный доводок к общественной жизни.

Протестуя против односторонности при изображении общественной жизни советского человека, следует сказать еще об одном явлении, не столь характерном для нашей литературы, но все же существующем в ней. Речь идет о преимущественном интересе к личной жизни в ущерб общественным ее проявлениям и о часто связанной с таким интересом, вытекающей из него подмене ядрового человека маленьким человеком, обывателем, замкнутым в мирке маленьких личных забот и хлопот.

Скажем прямо, личная жизнь обывателей, людей, заведомо выключившихся из общественной жизни страны, не составляет предмета интереса для нашей литературы, если говорить об изображении этой жизни в положительном смысле. Личная жизнь, отделившаяся от жизни общественной, — жизнь частная. Это пережиток капитализма и, следовательно, объект для критики. И, подчеркивая необходимость широкого изображения личной жизни людей, мы отнюдь не имеем в виду протянуть руку еще имеющимся у нас литераторам, которые под видом личной жизни «ядрового человека» пробоваля, да и сейчас еще порою пробуют протянуть в литературу маленькие обывательские житейщины.

Алексей Максимович Горький на Первом съезде в своем выступлении сетовал, что «мы все еще пользуемся правом писать плохо», и, говоря о резкости своих отзывов о плохих книгах, заявлял: «...литература союзных советских социалистических республик — празднует год своего рождения. Но жадности моей страшно хочу, чтобы она получала хорошие подарки. Чтобы естественно, что я несколько раздражаюсь, видя, как часто ей дарят утраченные...»

За двадцать лет в нашей литературе создано много хорошего, но в ней за это время появилось и немало новых «утрачено», в том числе утатов, встреченных не горьковской иронией, а приветственными кликами критиков и собравших по перу.

Заканчивая этот последний раздел своего содоклада, я хотел бы подчеркнуть необходимость создания у нас той атмосферы глубокого уважения к мастерству, когда ни при каких обстоятельствах слабая книга не будет признаваться средней, средняя — хорошей, а хорошая — отличной. Как бы ни была важна, нужна, хороша по поставленным в ней проблемам книга, хвала и поддержка автора за остроту его осуждения действительности, за понимание ее запросов, за продолженную благодарную работу, не следует натягивать ей книгу итертуру за художественное мастерство, если эту итертуру нельзя поставить по совести. В то же время, разумеется, нетерпимы и обратного рода факты — скидки на художественное мастерство, если в книге, не лишенной таланта, содержится идеиные заблуждения, неверные общечеловеческие взгляды на жизнь.

В то же время необходимо обеспечить в критике здравую взвешенность каждого слова, когда речь идет о таком коренном вопросе, как отношение писателя к нашей действительности, как его субъективные намерения и объективный результат. Случается, что мы в критике слишком легко бросаемся словами: «наклеветал», «обогатил». Произведения, которые заслуживают похвалных эпитетов, за истекшие 20 лет у нас единицы. Бывают изредка — их уже не единицы — произведения, серьезные ошибки и слабости которых заслуживают суровых оценок, но за которыми, мы это сами чувствуем и понимаем, не стоит и не может стоять субъективное намерение автора облекать или исказить советскую действительность. И в этих случаях критика, не смягчая той оценки, которой заслуживает произведение, обязана помнить, что за книгой стоит человек, и не искать о нем, что он социалистически идеиник, когда она сама не верит в это.

Мы остро ставим вопрос об ответственности критика, который обрушивается с остротой на произведение полезное и хорошее, и мы вправе, когда в этом случае ставим вопрос об ответственности.

Мы редко ставим вопрос об ответственности критика, который проходит мимо идеиных заблуждений и ошибок автора, поддавшись обаянию имени или обаянию таланта. И в данном случае мы тоже поступаем правильно.

Но мы почти никогда не ставим вопроса об ответственности критика, которая превозносит до небес среднее или слабое в художественном отношении произведение, путая все критерии оценок в литературе, сводя на нет все наши разговоры о необходимости повышения мастерства. А между тем, нам и здесь надо требовать строжайшей ответственности, надо морально судить за безответственную болтовню, за порчу молодых писателей легкомысленными, а иногда фальшивыми похвалами.

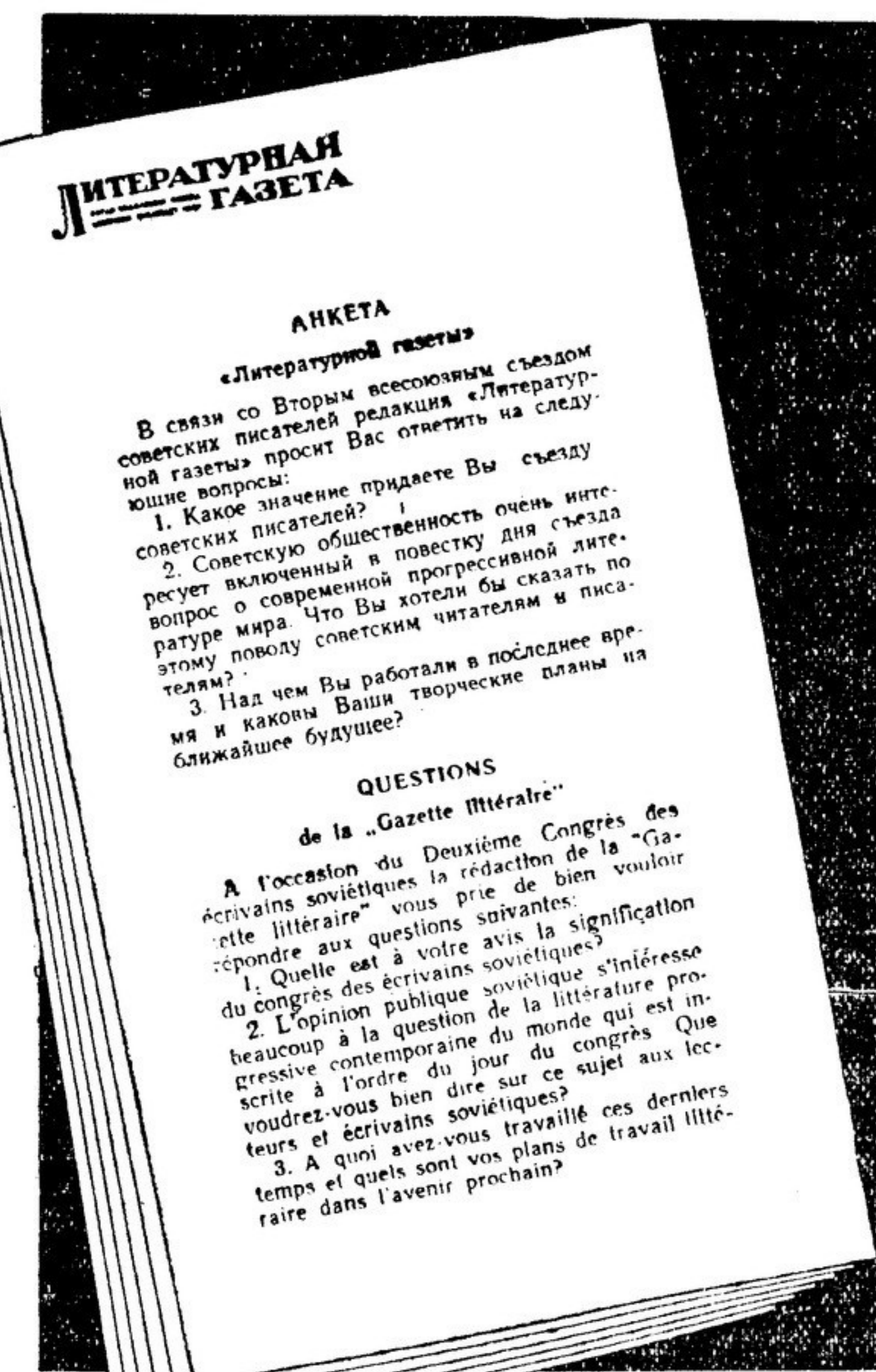
Позвольте в конце моего содоклада привести замечательные слова Алексея Максимовича Горького, сказанные им в заключительном слове на последнем заседании Второго всесоюзного съезда советских писателей. Вот эти слова:

«Мы включены в огромное дело, дело мирового значения, и должны быть лично достойны принять участие в нем... Нам нельзя ни на минуту забывать, что о нас думает, слушая нас, весь мир трудового народа, что мы работаем пред читателем и зрителем, какого еще не было за всю историю человечества. И призываем вас, товарищи, учиться — учиться думать, работать, учиться уважать и ценить друг друга, как ценят друг друга бойцы на полях битвы, и не тратить силы в борьбе друг с другом за пустяки, в то время, когда история призвала вас на беспощадную борьбу со старым миром».

Дайте же нам эти горьковские слова: мы включены в огромное дело, дело мирового значения. Нам нельзя ни на минуту об этом забывать! (Продолжительные аплодисменты).

ГОВОРЯТ ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ

Ответы на анкету «Литературной газеты»

Николай ГИЛЬЕН,
кубинский поэт

1. Прошло 20 лет после Первого съезда советских писателей. За этот большой отрезок времени возникло много проблем, которые поставила литература перед всеми прогрессивными писателями.

Это делает Второго съезда советских писателей историческим. Выводы из съездовских дискуссий и результаты, к которым принудит делегаты, окажут решающее влияние на нашу будущую деятельность, потому что советская литература пользуется огромным авторитетом во всем мире.

2. Прогрессивная литература наших дней продолжает развиваться по восходящей линии, начало которой относится к тому моменту, когда социальные явления стали сюжетом литературного творчества. Таким образом, она тесно связана с развитием человеческого общества и всегда отражает борьбу человека за улучшение его жизненных условий. Однако я считаю необходимым бороться также и за то, чтобы наша литература была не только правдивой, но и прекрасной. Это требует высокой художественной ценности, умелого использования орудий нашего труда с тем, чтобы литература была достойна народа, к которому она обращается. Лопе де Вега был неправ, говоря, что народ глуп, но поскольку платит он, то и надо говорить глупости, чтобы доставить ему удовольствие.

Народ всегда сумеет отличить фальшь от правды: это доказывает и та народная любовь, которой пользуется и всегда будет пользоваться, пока существует испанская литература, сам Лопе де Вега.

3. Я только что окончил новую книгу стихов «Голубка летит к народу». В первую часть входят короткие стихи-песни, состоящие из нескольких строк, вторая состоит из четырех более длинных элегий. Всего в книгу входит больше 60 стихотворений.

Ярослав ИВАШКЕВИЧ, Леон КРУЧКОВСКИЙ,
польские писатели

1. Широкий размах и принципиальность недавней советской литературной дискуссии позволяют жалеть многого от съезда. Мы думаем, что в процессе работы съезда выкристаллизуются и весьма существенные творческие выводы, которые будут способствовать новому идеинно-художественному подъему советской литературы, уможгут силы ее реализма и ее общественного воздействия, помогут ей еще больше приблизиться к массам и повести их за собой, стать активным творцом и выразителем величия нашей эпохи, но не прекрасной эпохи.

Советская литература — крупнейшее, богатейшее, наиболее опытное писательское хозяйство социалистического реализма. Поэтому понятно, что польские писатели с огромным вниманием и надеждой прислушиваются к голосу съезда. Мы убеждены, что съезд станет важнейшим событием и в нашей литературной жизни. Мы хотим бы, чтобы уроча съезда помогли нам устранить все то, что тормозит развитие нашей литературы: суженные философские и моральные горизонты, обход трудных и острых жизненных конфликтов, шаблонный двухмерный подход к человеку, боязнь новаторства в содержании и форме.

2. Включение в повестку дня съезда проблем прогрессивной мировой литературы является убедительным выражением единства мыслей и действий многочисленных писателей, которые служат своим пером лагерю мира и демократии. Вместе с тем обсуждение этих проблем покажет столь важный и не всегда отчетливый процесс развития и своеобразия метода социалистического реализма не только в литературе стран народной демократии, но и в прогрессивном течении литературы капиталистических стран.

Советская общественность имеет все большую возможность ознакомления с успехами зарубежной литературы. Мы с радостью видим на полках московских книжных магазинов большое количество польских книг, нас глубоко трогает их популярность среди советских людей. Мы ценим труд советских переводчиков, критиков, работников издательства, мы думаем о них с сердечной благодарностью, как о наших друзьях. Но именно дружеская искренность заставляет нас сказать, что если в области переводов польской классической литературы сделано много, то выбор современных произведений и темп переводов их не всегда отвечают нашим ожиданиям. Часто переводятся произведения слабые, актуальность которых является прошедшей, в то время как много выдающихся произведений (например, романы Софьи Налковской, Марии Домбровской, Люциана Рудницкого, Иоганна Неверри, Казимира Брандуса, Богдана Чешко) до сих пор не дошли до советского читателя или дойдут до него с большим опозданием.

Изменить такое положение — наше общее дело. Мы слышали, что в Советском Союзе намечается издание специального журнала, посвященного зарубежной литературе. Нет сомнения, что и в этом вопросе такой журнал окажет нам помощь.

Что касается творческих планов польских литераторов, представленных на съезде, то Ярослав Ивашевич недавно закончил книгу о Шопене и готовит новое переработанное издание своего исторического романа «Хвала и слава».

Леон Кручковский заканчивает работу над новой пьесой «Бордорский жук» к современному театру. Генрик Маркович в течение ближайших лет будет работать над отдельными главами, посвященными литературе критического реализма. Они войдут в шеститомное издание «Истории польской литературы». Это коллективный труд Института литературных исследований Польской академии наук. Наряду с этим Г. Маркович планирует подготовить монографию о классике польского критического реализма — Валесине Прусе и работы из области польской литературной теории и критики.

Мария МАЙЕРОВА,
чешская писательница

1. У советской литературы тридцатипятилетний жизненный и творческий опыт; советские писатели в многих поэтических и прозаических произведениях достигли вершин художественного мастерства. Эти произведения всегда служат образцами для писателей молодых государств народной демократии. За дискуссией, предшествующей съезду, с напряженным вниманием следил писатель всего мира, которые хотя своим творчеством служат иной родине так же, как и советские писатели, все же являются советскими людьми.

2. Русский язык стал сегодня языком не только дипломатов, но и международным языком мировой литературы, борющейся за прогресс и мир. Писатель Запада или Востока, произведения которого переведены на русский язык, тотчас же становится доступным многим миллионам читателей в миролюбивых странах (подкапители войны горюют и читают лишь «проамериканские»). Систематическое обобщение современной прогрессивной мировой литературы является средством взаимопознания между народами и могучим оружием в борьбе за мир.

3. Покойный президент Чехословакии Клемент Готвальд поставил мне написать второй том «Сирены». Я считаю своей почетной задачей и долгом выполнить его пожелание.

Оскар ПАРЛАНД,
финский писатель

1. Открывшийся съезд советских писателей вызвал большой интерес в Финляндии, как и в других странах мира. Я счастлив и благодарен, что мне предоставлена возможность присутствовать на нем. Меня в особенности интересует дискуссия по поводу проблемы формы и содержания, которая, насколько мне известно, будет затронута на съезде. Каждого писателя глубоко волнует вопрос о том, как добиться того, чтобы писать правдиво, воспитывать у читателей гуманистические взгляды, содействовать прогрессу человечества и в то же время достигать максимального совершенства в художественном отношении. Я убежден, что выступления советских писателей, впервые в истории сознательно использующих в своем творчестве художественную форму, которая доступна всем читателям, помогут нам разрешить эту проблему.

2. Всякая честная литература, которая способствует познанию человека и внушает читателю гуманистические взгляды, является литературой прогрессивной. А всякая прогрессивная литература способствует делу мира.

3. Будучи врачом-психиатром, я в своем литературном творчестве интересуюсь прежде всего психологическими проблемами. Я пишу о том, что мне ближе всего знакомо, о том, что в первую очередь формирует человеческую судьбу, а это — взаимоотношения человека с его родными и близкими, его семейная жизнь, его работа и т. д. Когда человек начинает лучше понимать самого себя и других людей, ему легче разрешить проблемы своей личной жизни. Ему легче договориться с окружающими, у него вырабатывается более гуманное и позитивное отношение к жизни, и, таким образом, на свете становится меньше несчастных, занятых только собой людей, которые равнодушны к таким жизненно важным вопросам, как вопрос войны и мира.

В настоящее время я работаю над второй частью романа, в котором я стремился воссоздать духовный мир ребенка, начиная с самого раннего детства и кончая шестилетним возрастом. Я надеюсь, что мой роман поможет взрослым глубже понять сложную проблему, связанную с развитием детской души.

Маркес РЕБЕЛО,
бразильский писатель

1. Съезд имеет очень большое значение. На нем могут быть отражены истинные результаты литературного творчества, а главное, могут быть намечены новые пути.

2. Понимая и уважая советскую точку зрения, заключающуюся, как мне кажется, в том, что в основе литературного произведения должен быть заложен непосредственный социальный смысл, я допускаю, однако, возможность одной оговорки. Я признаю законным и необходимым существование таких произведений, в которых форма придает большее значение, чем содержание. Мне кажется, что существование таких произведений не является отступлением от здоровых прогрессивных принципов и открывает новые просторы для творческих исканий.

3. В связи с представлением в 1955 году опубликованном моего «Собрания сочинений», выходящего в одном из крупнейших издательств нашей страны, я занят тщательным пересмотром всех моих произведений, пересмотром, в результате которого иногда передается вся книга, как это произошло с романом «Распутство», получившим литературную премию за 1935 год, и текст которого меня никогда не удовлетворял и не казался законченным. Я включу в мое «Собрание сочинений» книгу о путешествии по Западной Европе. Эта книга будет дополнена мемуарами впечатлениями о поездке в Чехословакию и Россию.

Я заканчиваю также роман «Разбитое зеркало», который я пишу с 1936 года в форме дневника и в котором я хочу показать картину духовной и социальной жизни Рио-де-Жанейро, моего родного города, в период с 1907 по 1954 год.

ЛАО ШЭ,
китайский писатель

1. Советские писатели всегда были и будут лучшими учителями и верными друзьями китайских писателей. Обсуждение на этом съезде различных вопросов, касающихся художественной литературы, и итоги этих обсуждений помогут китайским писателям в их деятельности. Мы будем их старательно изучать.

2. Мне очень хотелось бы, чтобы советские писатели чаще посещали Китай и оказывали нам возможно большую помощь как в теоретическом, так и в практическом отношении.

3. Я только что закончил большой репортаж о вятии китайскими народными добровольцами горы Лаотуншань* и о ее обороне. Я собираюсь написать пьесу, героями которой будут рабочие-строители.

* Лаотуншань — одна из гор в Корее, за которую шли наиболее ожесточенные бои с американскими интервентами и диссидантами. — Ред.

ХОН СУН ЧЕР,
корейский поэт

1. Второй съезд советских писателей является отчетом о пути блестящего развития советской литературы за 20 лет. Дискуссия перед съездом обратила внимание на существующие недостатки, дала отпор чуждым направлениям и влияниям в литературе, развернула борьбу за идейность под флагом социалистического реализма.

Корейский народ желает больших успехов съезду братской литературы. 2. Включение в повестку дня вопроса о современной прогрессивной литературе мира является закономерным, потому что прогрессивная литература мира участвует на примерах борьбы самой переходной и идейной советской литературы.

(Советская литература возглавляет прогрессивную литературу мира в борьбе на идеологическом фронте против империализма, против разлагающего влияния реакционной литературы.)

3. Недавно я написал сборник стихотворений «Слава вам», в котором воспеваются дружба между китайским и корейским народами. В годы Отечественной освободительной войны китайский народ оказал нам большую помощь. Этот сборник стихотворений опубликован в Корее и Китае. В Китае уже вышло восьмое издание. Кроме этого, я написал поэму «Мать». В поэме даны образы простой корейской матери и ее сыновей, отдающих все свои силы помощи фронту, разрывавшему партизанской войны, разрывавшего сельское хозяйство в годы войны.

В моих творческих планах — поэма «Должны идти по этому пути». В ней будут показаны образы молодых патриотов, которые совершали героические подвиги в годы войны и которые после войны активно участвуют в воспитательной работе. Эта поэма будет окончена к лету 1955 года.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

КОМУ ЗАПАДНЫЕ ДЕРЖАВЫ ДАЮТ ОРУЖИЕ

Шаг за шагом американские вдохновители «Западноевропейского союза» восстанавливают германский милитаризм. Все настойчивее они поддерживают в «боннской республике» различных соучастников гитлеровской агрессии, в частности, тех из них, которые были тесно связаны с фашистским обер-палачом Гиммлером.

Выходящий в Западной Германии еженедельник «Дипломатические нахрихтен дер вохе» опубликовал не так давно примечательные материалы из архива гестапо. Это — своего рода аттестации, составленные некогда для Гиммлера. Среди тех, кому гитлеровская тайная полиция выдала лестные характеристики, мы видим нынешних сподвижников боннского канцлера Аденауэра, фаворита Вашингтона.

Вот, например, «зависнувшая» Гиммлером характеристика Оберлендера — боннского министра по делам беженцев. Гестапо рекомендует его как человека «преданного и деятельного». Далее в личном деле говорится, что он (не иначе как за высокие заслуги перед Гиммлером и всей гитлеровской верхушкой) «представлен рейхсфюрером СС к награждению рыцарским крестом».

Вот как аттестовало гестапо Фрица тер-Меера, одного из руководителей концерна «И. Г. Фарбениндустри». Гестапо с удовольствием зафиксировало, что сей химик «по указанию рейхсфюрера СС разработал план Освенцима» и что он был «по указанию фюрера освобожден от чрезмерного обложения налогами» — речь идет о налогах на барыши, полученные, в частности, за разработку «научных методов» массового уничтожения узников фашизма. Сейчас этот военный преступник, досрочно освобожденный из заключения, продолжает свою «научную» деятельность в тесном сотрудничестве с новыми хозяевами.

Имеется в гестаповском архиве также запись о нынешнем заместителе секретаря боннского министерства хозяйства Людгере Вестрике. Он был назначен Гиммлером на должность «фюрера» в военной промышленности и введен в узкий «промышленный совет» Геринга по изготовлению авиационного оборудования. В документах гестапо он рекомендуется как «безусловно преданный соратник, который разработал не одну консультацию для рейхсфюрера СС». Сегодня Людгер Вестрик «разрабатывает консультации» для аденауэровской верхушки и ее хозяев — западногерманских и зарубежных военных концернов.

Остался след в архиве и об одном из крупнейших банкиров и плутократов Германии — Германе Абсе. Он аттестован как «личный консультант рейхсфюрера СС». Теперь Абс — личный консультант Аденауэра по финансовым вопросам. Гестапо проходило Абса на пост «президента Эйрота — Центральный банк», которому после войны наделено эксплуатировать европейские страны, оккупированные фашистской Германией. События приняли иной ход. Однако он не остался без места. О нем позаботились американские финансовые магнаты, поставившие Абса во главе банка «Кредитанштальт фор видерауфауб». «Личный консультант рейхсфюрера СС» стал доверенным лицом американских монополий по распределению казначейских долларовых кредитов, получаемых Западной Германией. Абс не позволил даже ослепнуть гестапо, записавшего его в число «решительных противников американского финансового капитала».

На отличные отзывы гестапо могут сослаться высокопоставленные дипломаты Бонна — большинство из них фигурирует в составленном для Гиммлера списке лиц, которые после покушения на Гитлера в июле 1944 года «выражали ему верноподданнические чувства... Тут послы Кессельринг, Вальтер, Эйтцдорф, Ностци, Корт, Вольфе и другие.

Все эти люди, в свое время получившие от гестапо похвальные листы, теперь усердно помогают агрессивным американским кругам возрождать милитаризм и реваншизм в Западной Германии.

М. Э. Козаков

Умер Михаил Эммануилович Козаков, даровитый писатель, много лет плодотворно проработавший в советской литературе. Свою литературную деятельность М. Э. Козаков начал в середине двадцатых годов. Советскому читателю хорошо известны его книги: «Человек, падающий вниз», «Мешанин Аламейко» и большой роман «Девять точек» («Крушение Империи»), изображающий широкую картину предреволюционной русской жизни. Страстный советский общественник, Михаил Эммануилович в течение ряда лет до войны работал в руководящих органах Ленинградского отделения Союза советских писателей, был редактором журнала «Литературный современник». Горюла любовь советскую литературу, Михаил Козаков, уже тяжело больной, до последних дней своей жизни работал над новым романом.

Все, звание Михаила Эммануиловича, любил его за присущую ему отзывчивость, чуткость, редкую доброту и товарищескую сердечность.

А. Фадеев, К. Федин, А. Сурков, Н. Тихонов, К. Симонов, А. Прокофьев, Б. Лавренев, Л. Леонов, О. Форш, К. Чуковский, В. Павлова, Л. Соболев, Ю. Ибидинский, В. Дружин, С. В. Иванов, В. Каверин, Е. Катерин, Б. Мейлах, М. Храпченко, В. Шкловский, А. Штейн, Е. Шварц, Л. Рахманов, М. Слонимский, Ю. Герман, Л. Малаголин, С. Головановский и другие.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писателя

Михаила Эммануиловича КОЗАКОВА

и выражает соболезнование семье покойного. Доступ к телу покойного 18 декабря с 11 часов утра. Гражданская панихда состоится в 13 часов в Доме литераторов, ул. Воровского, 50.

Правление Союза советских писателей СССР с глубоким прискорбием извещает о смерти писателя, доктора филологических наук

Сергея Николаевича ДУРЫЛИНА

и выражает соболезнование семье покойного.

В дни работы Второго всесоюзного съезда советских писателей «Литературная газета» выходит еженедельно.